

18+

Лана Муар

Н + П = ???

ЕГОР НИДЕЛИН - КОБЕЛЬ!!!
+ АСЬКА FOREVA!!!

«Будьте
внимательны...»

Лана Муар
**H+П=??? «Будьте
внимательны...»**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63076717
ISBN 9785005169600*

Аннотация

«Это все абсент... Нет. Это все Он». Я задыхаюсь, проводя пальцами по его мокрым волосам, и вздрагиваю, ощутив через биение вен сорвавшееся с привязи сердце. Меня трясет от того, что он дышит через раз, пока мои пальцы чертят робкие линии по его груди, трогают, вспоминают эти руки... Все у Недели и Половинки не как у людей. И хотя выпускной отшумел сто лет назад, а судьба развела на года, она не отпустит пока не станет ясно, что же скрывается за знаками вопроса. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1	5
2	16
3	29
4	41
5	55
6	71
7	84
8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Н+П=???

«Будьте внимательны...»

Лана Муар

© Лана Муар, 2020

ISBN 978-5-0051-6960-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

– П-с-с-с... Половинкина! Половинкина, блин!

– Неделя, отвали! Не мешай!

– Тебе жалко что-ли?

– Меньше надо было по клубам шляться.

– Слушай, разве я виноват, что тебя Глызина не позвала?

– Больно надо. Не очень-то и хотелось.

– Ну, Ась, будь человеком. Я за тебя черчение сделаю.

А? Ась?

– Ниделин! Я все вижу, – поблескивая толстыми линзами очков, русичка грозно посмотрела на парня и, когда он уткнулся в абсолютно пустой бланк, снова начала мерно вышагивать между рядами парт.

Изредка останавливалась, заглядывая через плечо корпящему над тестом – излюбленное занятие перед контрольной, – и шла дальше. Дойти до доски, покачать головой и медленно перейти в следующий проход, чтобы ещё раз убедиться, что все в классе те еще бестолочи кроме пары любимчиков, которым оценки всегда будут на балл выше. А вот Ниделину даже тройка из жалости не светил, в чем Егор убедился лично – русичка довольно хмыкнула, посмотрев на пустой лист и высокомерно выплонула, а по-другому она говорила крайне редко и, если и говорила, то явно не с тем, кто попадал в категорию вышеозначенных бестолочей на самое

первое место в списке:

– М-да, Ниделин. Мне жаль твоих родителей – в твоём случае и репетитор не поможет.

И в этом, как бы прискорбно не звучало, русичка была права. Тот же репетитор, нанятый родителями Егора за конские деньги, только развел руками и нашел единственное оправдание отсутствию каких-либо подвижек в сторону улучшения у подопечного – парень не гуманитарий. Вообще ни разу. Клиническая форма технаря.

– Извините, но мне совесть не позволяет брать с вас деньги, – виновато улыбнулся он напоследок и отчалил репетиторствовать с теми, кто был не на столько туп.

И вроде сказал не на прямую, а витиевато расплылся минут двадцать, только стало обиднее в тысячу раз сильнее, чем если бы запулил предкам в лоб, что их сын бревно. Тупое, неотесанное и кривое до кучи. Мамка тогда проревелась, батя хлопнул стопарь и, крикнув, подмигнул:

– Не ссы, Егорка. Батя все порешает. На тройк твою Лисверову я уломаю. У тебя же Лисверова русский ведёт?

Тогда-то только-только забрезжившая надежда Недели и рухнула окончательно – бабуля Карина Марсовна Лисверова отчалила на пенсию ещё в сентябре, а за нее поставили проклятие примерно того же возраста, с теми же толстыми линзами в роговой оправе, будто другие варианты не рассматривались (даже шиньоны на макушке у русичек были похожи, словно их содрали с одного бобра), но звали ее Аль-

бина Карловна Люфтернштадт.

Вздыхнув, парень обвел по третьему разу единственную строку – собственные фамилию и имя, – и попытался вникнуть в суть первого вопроса: «Расставьте знаки препинания и подчеркните деепричастный оборот.» Если это было самым простешим заданием, то последнее вообще не стоило читать. Лучше не станет. И проще тоже. Сколько бы не заучивал – в голове пустота. Не то что с черчением или той же математикой. Там все шло без сучка, без задоринки – бревно резко умнело, чертило чуть ли не от руки идеальные прямые и линии соединения сложных трехмерных фигур, решало с полпинка задачи под звёздочкой и посмеивалось над одноклассниками, у которых банальщина в виде расстояний между столбцами в рамке вызывала тихий ужас, а алгебра так вообще считалась тем ещё отстоем с кучей тупых формул.

– Неделя... Держи... – Половинкина, сидящая за партой перед Егором, вывернула руку под неестественным углом, вроде как почесать спину, а по факту передать крохотный листочек бумаги, зажатый между пальцев. – Все под копирку только не слизывай! Спят.

– Аська! Ты мегачеловечище! – восторженно прошептал парень, пряча заветный кусочек бумаги с ответами в рукав.

– Пять минут и откладываем ручки! – напомнила о своем существовании садистка Люфтваффовна.

Прошагала к доске и наконец-то опустилась на свой древ-

ний стул, поставленный ровно по центру пяточка, на котором каждый вызванный отвечать домашку чувствовал себя ни больше ни меньше партизаном перед расстрелом на расвете. Опять же с оговоркой – все, кроме двух любимчиков. Эти купались в лучах собственной важности и захлебывались от тихой ненависти простых смертных бестолочей.

– Ну что? Вечером начнем у меня, как обычно, а потом на дискач рванем? – дылда Ящер красноречиво щелкнул пальцем по горлу, пряча переданную ему сигарету в ладонь, чтобы не спалиться перед физруком, решившем тоже выйти покурить без свидетелей. – Здравствуйте, Сергей Палыч.

– Здорово, демоны. Вы чего не на уроке?

– А у нас на сегодня все закончилось, Сергей Палыч, – Егор двинулся вперёд и влево, закрывая спиной закашлявшего Ящера.

– Ясно, – протянул физрук, хрустнул костяшками пальцев и недвусмысленно посмотрел на компанию парней. – И чего тогда тут третесь?

– Тенек.

– Ну да, тенек... – подождал секунд тридцать и уже прямым текстом добавил, – Давайте шуруйте домой. Не вам одним в теньке постоять хочется. И вообще, умные люди из Минздрава предупреждают, что от стояния в теньке может наступить нестояние кой-чего. Ещё раз увижу тут, теневики, будете у меня нормативы пересдавать. Особенно сто-

метровку.

– Сергей Палыч...

– Давайте, давайте. Раз-два, ножками-ножками и в сторону забора, демоны. Ниделин, завтра только попробуй на тренировке пожаловаться, что дышалки не хватает. Я тебя просто так отмазываю что ли?

– Да поняли мы все, Сергей Палыч. Пацаны, пошли.

Отойдя подальше Ящер зло сплюнул под ноги – сигарета окончательно дотлела до фильтра, а другой не предвиделось. Последнюю из пачки как могли растянули на четверых, и то, что физрук своим появлением обломал сделать пару затяжек, уже по-другому, как не фортануло, не назовешь.

– Короче, как мои на смену свалят, я вам брякну.

– А пожрать будет что? – спросил у Ящера парень больше похожий на богомола.

– Гриня, тебе жратва не поможет. Только продукты переводить, – усмехнулся Егор, посмотрел в сторону школьного крыльца и чертыхнулся. – Вот же... Ящер, я может подержусь. Сиги купите.

Махнул рукой на прощание и ничего не объясняя резво сорвался в сторону одинокой фигурки, прохаживающейся в расстегнутой ядерно красной куртке перед ступеньками. Замедлившись перед девушкой буквально за два шага, он виновато улыбнулся и кивнул в сторону распахнутых ворот:

– Не, ты не подумай. Я изначально планировал расплачиваться по полной, Ась. Короч, провожу до дома, чтобы все

вообще в ажуре было.

– Глызину свою провожай, – фыркнула девушка, трянув головой так, что кончик длинной косы подпрыгнул и несколько раз чиркнул, словно маятник, по упругим ягодицам, обтянутых джинсой. Поправила сползающую с плеча лямку рюкзака и пошла вперёд.

– Половинка, блин! Я же сказал, что черчение за тебя сделаю, значит сделаю, а ты сразу Глызина, Глызина, – догнав Асю в три шага, парень пристроился рядом и едва поймал рюкзак, окончательно слетевший с плеча девушки. – Держи.

– Сказал, что все в ажуре будет? – спросила она и не дожидаясь ответа, а уж тем более не забирая протянутый рюкзак, пошла дальше. – Раз сказал, значит и нести тебе.

– Думаешь обломаюсь что ли?

– Думаю, что Глызина тебя обломает, когда увидит с моим рюкзаком. И со мной.

– П-ф-ф-ф... Кто кого ещё обломает.

– Неделькин, – Ася резко обернулась и посмотрела Егору в глаза, – Ты слишком много времени думаешь, что все только и мечтают с тобой встречаться. Прямо мечта, а не обычный кобель.

– А разве нет? – улыбнулся он, согнул руку, демонстрируя бицепс, отчётливо натянувший ткань куртки. – То что ты не хочешь со мной мутить, не означает, что другие не хотят. Да я бы и сам с тобой мутить не стал.

– Ой. Спасибо тебе огромное. А я-то уже планы на те-

бя строить начала и не знала, как подкатить. Думала, помогу с русским, заманю к себе и втихаря сфоткаю такого мацо-красавчика у себя дома, чтобы в Инсту выложить и Глызину пробесить твоей непостоянностью. А потом вспомнила, что я там не регистрировалась и мне на твою Глызину плевать с высокой колокольни.

– Что, прям уж и красавчик? – усмехнулся Егор, проигноривав акцент на слове «твою» и закидывая лямку рюкзака на плечо.

– Вилку дать, чтобы лапшу с ушей смахивать или дождешься, когда она сама свалится? – засмеялась девушка. Перекинула косу вперёд и махнула ладошкой, – Пошли уже, Неделя. Я ему обед готовлю, спасаю, а он... Глызина тебя хоть раз чем-то угощала кроме себя?

– Ась, вот поэтому я с тобой и не мутил.

– Из-за того, что я одна с тобой не трахаюсь?

– Потому что ты одна, кто мне обед готовит. Ну кроме мамки, – пояснил Егор и решил уточнить, – Значит трахаться не будем, Половинка?

– С тобой?

– Ага.

– С тобой точно нет. Во-первых, мама дома, а во-вторых, мне Глызину жалко.

Сказано это было с такой интонацией, что сразу было ясно – ни о какой жалости речи не идёт. Да и разговоры, похожие на этот, повторялись чаще, чем осенью идут дожди.

Вот только фамилии девушек в них менялись чуть реже. С кем-то Ниделин встречался чуть больше двух недель, кто-то крайне редко дотягивал до рубежа в месяц, но каждую из его новых пассий ждала одна и та же участь. Психовать, когда Егор начинал «мутить» с другой и беситься, что одна девушка – Ася Половинкина, – стабильно никуда не исчезает. И если бы Асе предложили сдать весь яд, которым брызгали брошенки в ее адрес, шушукаясь за спиной, то она уже давно попала бы в список Форбс. Может, не в первую десятку, но точно не в последнюю. Егор Ниделин стабильно пополнял копилку своих походов и так же стабильно среди участниц этих самых походов отсутствовала обладательница длинной русой косы и забавной фамилии.

– Егорка, обедать будешь с нами?

– Обязательно, тетя Таня. Только сперва Аське с чертежами помогу.

Егор скинул кроссовки в угол и, как у себя дома, потопал в комнату по правую руку. Асин рюкзак осторожно поставил у двери, а свой метнул на кресло, едва не придавив спящего на нем кошака Ясю. Мявкнувшая от такой подлости животинка, спросонья рванула в сторону стола, но то ли от возраста у котяры стало сдавать зрение, то ли сон был крепче, чем казалось. Яська брякнулся головой о стакан с ручками, размохнатился, превращаясь в воющее мохнатое чудовище, резко подпрыгнул вверх, разворачиваясь в воздухе

на сто восемьдесят градусов и, сшибая на пол все, что попало под лапы, понесся на диван. Оттуда одним махом запрыгнул на шкаф и окончательно затих, спрятавшись за совдеповским чемоданом.

– Страйк!

– Дебил! – звонкий подзатыльник заставил Егора ойкнуть, а Ася стала кыскасть котейку, встав на цыпочки перед шкафом, – Кис-кис-кис. Ясь...

– Рыба моей мечты, – хохотнул парень, ловко уворачиваясь от новой затрещины. – Да ладно тебе. Где там твои нечертимые чертежи?

– На столе у лампы.

– И это сложно? – хмыкнул Егор, мельком взглянув на листочек с заданием. – Половинкина, ты цилиндр с конусом не можешь состыковать в воображении?

– Слушай, если ты такой гений, то зачем каждый раз стонешь и просишь дать списать на русском? А? А на биологии? А на литре?

– Понял, заглох. Нет, так нет. Циркуль где?

– В столе, верхний ящик. Не поворачивайся.

– Это не циркуль, а козья нога! Половинка, я как тебе чертить буду с таким убожеством? – Егор воровато покосился в сторону открытой дверцы, из-за которой показалась голова девушки:

– Я тебе сказала не поворачиваться вроде!

– Да? А мне показалось, что это приглашение, – расплыл-

ся он в довольной улыбке. – Может покажешься? Ты стринги надеваешь или бабкины панталоны?

– Губу закатай и черти!

– Значит панталоны. Ещё один минус, – парень быстро достал из своего рюкзака древнюю, но от этого не ставшую плохой, готовальню и снова переключился на ватман. – Я тебе совет дам. Если хочешь с кем-нибудь замутить, то панталоны – так себе вариант. Я бы сказал, что вообще не вариант, но тебе же плевать на советы с высокой колокольни. Да?

– Слушай, советчик, Глызину свою разводи на стриптиз и советы давай. Например, намекни, что ее поясок сложно назвать юбкой. Если она, конечно, не задалась целью продемонстрировать всем свои трусы.

– У нее эти, как их... – пару раз щёлкнув пальцами, Егор посмотрел в потолок и кивнул, – Танги. Во. Ничего такие. Правда я так и не понял чем они от стрингов отличаются, но тоже прикольные. Считаю, снимать практически не надо.

– Вот и ставь свои плюсики ей, а мне до этих твоих плюсишков-минусиков фиолетово, – хлопнув дверцу шкафа, Ася ту же затухлая пояска халата и с ногами забралась в кресло. – А рамка где, чертилище?

– Сама нарисуешь.

– Егор!

– Да не кипишуй ты так. Будет тебе и рамка и подпись. Все будет. Лучше запоминай что и откуда берется.

– Я и так знаю, – усмехнулась девушка. – Помощь в тесте

по русскому равно чертеж. Бартер. Простейшая экономическая система.

– Зашибись логика, но тут ты права. Кстати, спасибо.

– Что помогла или что ждала тебя, как дура последняя?

– И то и это.

– Неделя!

– Да ладно тебе. Ты не дура и уж тем более не последняя.

Карандаш твердый дай и ластик. И можешь идти обед греть.

Я минут так через десять тебе все тоненько накидаю, а обведу потом. Жирное только после жирного заходит.

– Это ты сейчас про Кокорину или, как ее там, Сигряеву?

– Эй! Не напоминай! Я просто хотел убедиться, что у них в лифонах сисяндры, а не вата.

– Убедился?

– Да ну их, – брезгливо поморщился парень, смахнул ребром ладони с листа катышки от ластика, и пробурчал, – Не люблю желе. Но сиськи у них зачётные.

2

– Ну, Егор. Ну, скажи!

– Отвянь, а?

– Ну, Егорушка...

– Слушай, Сеницына, отковырайся уже или шуруй к Ящеру со своими допросами.

– А я не хочу идти с ним на выпускной. Может, я хочу идти с тобой. Ну, Егор.

– Сеницына, ты перебухала что-ли? Какой выпускной? Меня со справкой выпихнут, а на следующий день уже дядя с военкомата придет с волшебной бумажкой. Пальчиком поманит ехать к нему в гости, а я сумочку быстренько соберу и, прикинь, поеду. На годик так, а то и на два, если дядя этот больше жизни любит морюшко.

– А как же дача? Я зря что ли договаривалась с родителями?

– Ау, голову включи, Сеница. У меня уже все заранее решено. Справка, повестка и поеду строем ходить. Вы даже набухаться до соплей не успеете, а я уже буду лысый, в форме и кирзачах где-нибудь в жопе мира.

– Так ты придумай что-нибудь.

– Думал уже. Не придумывается ничего.

Столкнув с колен на диван пьяную девушку, Егор отмахнулся на пошедшие уже на пятый круг стонотства и с бу-

тылкой пива побрел на кухню. Раскрыл настежь окно, сел на подоконник и щелчком пальца выбил из полупустой пачки сигарету. Получилось не очень. Штуки три выскочили и, еле слышно брякнувшись о карниз, полетели вниз согласно всемирному закону тяготения. С тем самым ускорением, которое в девять целых и восемь десятых.

– Не прикольно.

А что могло быть прикольного в этой ситуации? Быть на год старше всех в классе прикольно только до одиннадцатого, а дальше варианта два: либо каким-то чудом успевать поступать, либо готовиться топтать плац. Строем ходить не хотелось. Вообще не улыбало, ни капли. А поступить... Обязательный экзамен по русскому, и приговор-диагноз – технарь. Значит, готовимся к новому этапу в жизни, будущий рядовой Ниделин. Годик оттрубишь, там может на контракт останешься, если понравится конечно, но что-то подсказывало, что нет, не понравится. Ящеру хорошо – предки белый билет по дистрофии намутили, Гриня поступит – батя ему уже и универ выбрал, и с ректором перетер, и денюжку нужную занес. Ещё и Сеницына со своим выпускным по больной мозоли. Не прикольно.

– Ниделин, ну ты чего? – обиженно спросила Егора Ирка. Пьяно икнула и кулем опала на табуретку.

– Ничего. С пивом завязывай, родаки тебе башку отвернут, когда в таком состоянии увидят.

– А они не увидят. Они на дачу уехали. Может ко мне

пойдем, а?

– Не хочу.

– Ну и дурак, – Синицына надула губы и нелепо щёлкнула пальцами, – Дай сигарету.

– Обойдешься.

– Тебе жалко что ли? Сигареты жалко, на выпускной пойти жалко... Тебе на меня плевать, да? Чем Машка лучше, а? Она же крашенная, а я натуральная блондинка. Хочешь докажу? Вот прямо сейчас, хочешь?

– Да сядь ты и успокойся, Синица! Доказывать она решила.

Егор без каких-либо усилий вернул поднявшуюся было девушку обратно, а сам прислонился спиной к стене и прикрыл глаза. От выпитого в голове не было ни намека на веселье. Наоборот, накатила какая-то тянущая безысходность, которую ни пиво, ни сигареты не приглушали. Да даже Синицына со своими намеками как-то встала поперек горла так, что не вздохнуть.

– А хочешь, я с папой поговорю?

– По поводу? – спросил Егор, приоткрывая глаза.

– Ну, чтобы тебя отмазали. Ящерову же сделали справку и тебе сделают.

– Да? Давай ещё тогда тоже дистрофию. Чтобы военком совсем уржался. Я и дистрофия. Совсем башкой не думаешь?

– Можно ведь что-то другое, наверное, – обиделась Ирка.

– Какой у тебя добрый папашка оказывается. И дачу на выпускной, и, если доча придет, попросит, то он сразу полетит связями трясти, чтобы отмазать от армейки ее одноклассника. Не смеши, Синица. Я в такое не верю, – фыркнул Егор. – Особенно, когда ты бухая и несёшь фигию.

– Ну и дурак. Дай сигарету.

– Ай, да бери ты уже, только помолчи.

Брошенная пачка приземлилась на дальний от девушки край стола, и она кое-как до нее дотянулась. Выудила одну, подкуривалась, долго щёлкая зажигалкой, явно неумело, и тут же закашлялась.

– Кому пытаешься доказать, что ты крутая? – зло процедил Егор, забирая сигарету и протягивая однокласснице открытую бутылку, – На, запей.

– Спасибо.

Синицына сделала жадный глоток, поперхнулась, и пиво пеной пошло у нее через нос, заливая платье.

– Да твою ж...

Схватив первое попавшееся под руку полотенце, Егор начал вытирать лицо девушки, костеря ее и себя на чем свет стоит.

– Синица, ты только не вздумай блевать, лады? Давай как-нибудь к дому ближе, а? Платье пожалей. Мамке потом отстирывать придется.

– Я в стиралку закину. Проводишь меня? – жалобно просипела она, поднимая лицо. – Можешь даже не оставаться.

Просто проводи хотя бы, ладно?

– Черт с тобой. Где твоя куртка?

– На диване где-то. Такая синяя, с пёрышками.

– Да знаю я твою куртку, Синица. Пошли уже, пока окончательно не развезло.

Подхватив девушку под грудь, Егор скривился от замешанного амбре пива, тоника и терпкого запаха каких-то неперивариваемо приторных духов. «Полюбой, у мамки сперла. Ещё и здесь выпендриться решила, идиотка,» – пронеслось у него в голове. Зайдя в комнату, где в одну кучу были свалены на постель куртки, он прислонил опасно покачивающееся тело к стене, придерживая одной рукой, а второй, на ощупь, выкопал из вороха курток свою и Синицынскую.

– Надевай, синька.

– Муне что э муа, – Ирка стала хватать воздух ртом, испуганно прикрывая его ладонью.

– Да твою ж...

Сграбастав в охапку это чудо дорвавшееся до алкоголя, Егор олимпийским спринтером рванул к туалету. Бег с препятствиями, блин. Одной рукой рванул дверь, лбом щёлкнул выключатель, а ногой поднял крышку унитаза и после пролетевшей секунды предусмотрительно отошёл на шаг назад, намотав волосы девушки на кулак.

– Синица, ты это давай, не стесняйся. В первый раз всегда стрёмно, потом привыкнешь, но лучше бы тебе вообще не бухать, если так карает...

Ниделин нес полнейшую ахинею с одной единственной целью – заглушить издаваемые девушкой звуки. Стоять рядом в такой пикантный момент вообще приятного мало, но если уж так легла карта, то истинный джентльмен, вроде как обязан...

– Да ты там сколько выжрала-то? – откровенно психанул Егор, после того как уже притихшая Ирка пошла на новый круг. – Желудок у котенка меньше наперстка, но гадит эта сволочь, как хорошая корова?

– Заткнись, – вяло отозвалась девушка, отмотала небольшой кусочек от рулона туалетной бумаги и вытерла рот. – Сам ты корова, Неделя! Выйди ты уже, и так стыдно, так ты ещё тут со своими подколками. Давай, топай!

Хлипкая Синицына неожиданно сильно толкнула парня в грудь, хлопнула перед его носом дверью и защелкнула замок.

– Ирка, ты бы лучше не закрывалась. Мало ли что. В обморок там долбанешься если, то башкой об край унитаза шарханешься, а я двери ломать быстро не умею.

– Иди в... – огрызнулись из-за двери, но через мгновение замок лязгнул обратно и зашумела вода.

И шумела она примерно полчаса. Егор уже подумал, что Синицына от стыда решила утопиться или ещё чего хуже, но фырканье и приглушенный мат, крайне нелепый в Иркином исполнении, явно намекали, что пьяница-неудачница жива и здорова. Может не совсем полностью, но уже мо-

жет совершать основные двигательные функции самостоятельно.

– Эй, заплывающие за буйки, может тогда, как выплывешь, сама дотопаешь?

Вода тут же стихла, а дверь распахнулась, едва ли не слетев с петель.

– В смысле сама? – захлопала ресницами Синица. – Ты же сказал, что проводишь.

– Тебя вроде как попустило...

– Нет! Меня ещё мутит!

– Ага. Вижу, – недоверчиво хмыкнул Егор. – Короче, Синица. Я, может быть, и вызвался тебя провожать, но, сама понимаешь, ситуация в стране, кризис, дети бастуют...

– Какие дети? – вылупилась Синицына.

– Которые бастуют.

– Ага.

– И тут дело такое. Что такое бартер знаешь?

– Ну-у-у...

– Ясно. Не мне одному сегодня уровень образования подтянули. Бартер – это простейшая форма цивилизованных отношений, Синица. Ты мне, я тебе. Поняла?

– Нет.

– Ясно. Тогда попробуем по-русски. Я тебя провожаю, а ты мне такси до дома оплачиваешь? Ферштейн?

– А сразу нельзя на такси или обязательно до меня пешком?

– Можно. Но оплачиваешь все равно ты. Я свои кровные на этот праздник жизни...

– Хоть кому-нибудь расскажешь про это, Неделя, и я тебя...

– Ага. Кому? Этим? – Егор махнул рукой в сторону комнаты, где вечеринка только набирала обороты, – Они утром сами не вспомнят что творили. Так что держи язык за зубами и кошелек шире. Тогда все будет по высшему разряду. Зер гуд, фройлян?

– А ты чего по-немецки?

– Я ж говорю, ситуация в стране, кризис...

– И дети бастуют, – закончила Синицына. Кивнула сама себе, напялила куртку и потопала к дверям, стараясь прошмыгнуть незамеченной оставшимися в комнате.

– Ящер, на созвоне! – перекрикивая музыку, гаркнул Егор и, расхохотавшись от того, как Синица молнией сквозанула за порог, сам вышел следом.

Поплевав на ладони, Егор резко выдохнул и уже привычно разбежался. Пять шагов по изрезанной трещинами асфальтовой дорожке, правая стопа опускается в светлое пятно бортика на стене дома, под левой жалобно громыкает крышка мусорного бака, а руки после прыжка сжимают покрытую ржавчиной перекладину-ступеньку пожарной лестницы. Подтянувшись, правая перехватывается за следующую, левая ещё на одну выше, снова правая, и вот уже под ногой есть

опора. Дальше – проще. Сколько раз ползал на четвертый этаж, не вспомнить. Три коротких удара костяшками в стекло окна, за которым горит свет, и затем минута затишья. Половинка всегда долго возится с залипающими от времени и краски шпингалетами, но на то в кармане и лежит отвёртка и два блестящих, почти новых, которые Неделя скрутил в новостройке по соседству. Перегнувшись через подоконник, Егор окончательно повеселел: Синица таксисту заплатила столько, что хватило купить пачку «Кэмэла» на сдачу, да и тут – хмурит брови Аська, а сама улыбается:

– Через двери, как нормальные люди, ты ходишь только днём?

– Ага. Я вроде этого... – пощелкал пальцами Неделя, – Вампир. Через двери, когда зовут только. А вообще, сейчас я рыцарь. С мечом и щитом.

Выудив из кармана шпингалеты, Егор по-хозяйски окинул взглядом старые и отвёрткой начал колупать краску, закрывающую прорезь шлицов у шурупов.

– Слушай, вампир, ничего, что я спать собиралась? – Ася опустилась на край расправленного дивана, наблюдая за тем как Неделя пытит у окна.

– Так ты спи. Разве я тебе мешаю? – спросил он. – Сейчас закончу и снова уйду под покровом ночи.

– Есть хочешь, Дракула?

– А есть что?

– Перемолотое мясо девственницы сойдёт?

– Чего? – Егор развернулся и заулыбался, – Чем она тебе не угодила? Вроде ж свои своих не мочат.

– Хрюкала много. И я конкуренцию не люблю, – Аська оттянула халат пониже, чтобы спрятать выступающий из-под него длинный край ночнушки. – Так будешь котлеты или нет?

– Буду, – кивнул Егор. – И ещё. Мамку может попросишь, чтобы она моей позвонила, а?

– Неделя, ты такой простой. Думаешь, вломился ночью, окно раскурочил, котлет пожрешь и тебя ещё спать уложат?

– Ага. Я же на большее не намекаю.

– Кобель, – презрительно фыркнула Аська и шлепая тапочками вышла из комнаты. Скрипнула дверь в соседнюю комнату и потом, уже шепотом, – Мам, ты не спишь? Позвонишь тете Кате?

Новые шпингалеты с лёгкостью закрывались и открывались. Может, только из-за меньшего размера они немного портили вид окна – по краям выступали небольшие пяточки непрокрашенного дерева, но и тут Егор нашел, что сказать:

– Главное, что работают, а краску я притащу, – хмыкнул и снова заработал челюстями, откусывая от котлеты приличные куски.

– Ты жевать не пробовал? – спросила Половинка, повернула голову к двери, когда за ней показалась мама и притихла.

– Нет, Кать, трезвый. Чертили, а теперь сидят, фильм

смотрят. Если бы я знала. С этим интернетом теперь... Ой, и не говори, Катя. Не дети, а беда сплошная. Передам. И ле-ща тоже. С этим можешь не переживать. Спокойной ночи, Катя, – тетя Таня покачала головой, глядя на Егора. – Вроде взрослый уже, а... – и махнула рукой. – Что с вас взять. Дети ещё.

– Спасибо, тётъ Тань. Котлетосы во! – показал большой палец парень, больше похожий на хомяка.

– Ась, на кресле Егорке постелишь?

– Нет, мам, к себе положу.

– Да ты... Ещё чего удумала! – задохнулась женщина, махая руками, как потерпевшая. – Шуточки у тебя.

– Ага. Делать мне больше нечего. Сплю и вижу, когда мне такое счастье обломится. Этот кобель тут появляется только для того, чтобы пожрать на халяву.

– Угу. Я такой, – кивнул Егор, подчищая вилкой остатки пюре. – Половинкина, тебя что-то не устраивает?

– Меня? Иди посуду мой, вампир. Здесь тебе не ресторан.

В тишине было слышно каждое движение, каждый шорох одеяла по простыне, и Аська долго лежала неподвижно. Смотрела в потолок, слушала как ворочается на кресле Неделея, и думала. Ни о чем конкретном и обо все сразу. Повернувшись на правый бок, она вздохнула и тихонько позвала:

– Егор, спишь?

– Ага.

– А чего не спишь?

– Думаю.

– Тоже? А ты о чем?

– О несправедливости в жизни.

– Не рано?

– Может и рано, но лучше сейчас, чем потом.

– Понятно... – протянула Аська, подбила край подушки и, перевернувшись на живот, снова замолчала.

В полутьме комнаты контур носа с небольшой горбинкой и пухлые губы стали чётче и резче. Словно приглушённый свет Луны, едва пробивающийся сквозь тонкую полоску между шторами, задался целью сделать лицо Ниделина ещё притягательнее. Он провел языком по верхней губе, закинул руки под голову, а у Аьски от этих простых движений внутри застонало, заскребло. Как Яська точил когти о ножку стула, так и здесь непонятная тоска проверяет сердце. Шкрябает, каждый день шкрябает и никак не успокоится, не отпустит. Глызина, Кокорина, Савина, Рублина Кристишка... Все девчонки томно вздыхали, когда по коридору вышагивал этот кобель. Все об этом кобелизме знали, но все равно шушукались и строили глазки, чтобы урвать кусочек внимания. Может, будь он как все старшеклассники – такой же нескладный или тощий, как Ящеров, – никто бы так по нему не сох. Но нет же. Собрали в одном человеке по крупичкам все, что магнитом заставляет оборачиваться, вздыхать украдкой и гнать от себя дурные мысли. А как за него болели

на городских соревнованиях? С ненавистью смотрели друг на друга, но кричали, срывая голоса, когда на дорожке появлялся Неделя. Вальяжно прохаживался, размахивая руками, перебрасывался шуточками с другими бегунами, так же разогревающимися перед стартом. И, замерев в низком старте, превращался в тугую звенящую струну. Наверное, в этот момент у каждой, кто смотрел на него, пересыхало в горле. На стартовой линии среди обыкновенных людей появлялся леопард.

3

Хлопок, и трибуны взрываются в тот же миг. В ушах свистит ветер, а перед глазами маячок-цель – финишная лента. Сейчас ничего не существует. Есть только точка старта и едва ощутимое давление на грудь, а между ними всего несколько секунд времени и где-то за спиной те, кому тоже хочется придти первыми. Пролетев финишную черту, Егор пробежал ещё столько же, постепенно замедляясь и переходя на шаг. Обернулся и вскинул руку вверх. Физрук пару раз одобрительно хлопнул в ладоши, девчонки визжат так, что уши закладывает, а в глаза бросается красная курточка и длинная коса. Как всегда, удаляющаяся спина Половинки. Пришла, поддержала, может больше, чем остальные, и пошла домой первая. Гордая. Пару раз оставалась на награждение, но и тогда стояла в сторонке. Будет потом в соседнем парке искать свободную качель, на которой и просидит час, слушая мерный скрип. Мельком посмотрит на медаль, улыбнется, но на этом все. Аська гордая и вешаться на шею не будет. Но хочется. Каждый раз хочется. Поэтому есть стартовая линия и финишная лента. Больше ничего. Может, в следующий раз повезет больше. Или не повезет, как сегодня.

– Ниделин, давай как-нибудь с русским напрягись. Хотя бы на троечку сдай, а там я на кафедре физкультуры уже договорюсь. С твоими данными и тройка за глаза будет.

– Сергей Палыч...

– Да знаю я, Ниделин. Знаю... В армейку?

– Ну да.

– Жаль, – поднявшись со скамейки, физрук уже в который раз посмотрел на свой секундомер и снова покачал головой. – Жаль, Ниделин. Нормальный ты парень. Просись в ВДВ тогда. Там и физуху не потеряешь, и скучать с лопатой не придется, а потом попробуем тебя пропихнуть на льготное.

– Спасибо, Сергей Палыч. Через год расскажу что и как.

– Молоток. Главное ведь что? Не киснуть. Армейка не тюрьма, а сложности они везде.

Крепко пожав руку Егору, мужчина хлопнул его по плечу и снова посмотрел на секундомер:

– Эх, демон. Почти на мастера спорта пролетел не напрягаясь. Где ж я ещё таких быстроногих найду...

– Найдете, Сергей Палыч. Обязательно найдете.

– Беги уже, Ниделин. Демон ты быстроногий.

Закинув спортивную сумку на плечо, Егор неторопливо побрел к выходу из раздевалки, свернул в сторону пожарного выхода и удивлённо хмыкнул, когда за дверью увидел Ирку Синицыну, наматывающую кончик локона на палец.

– А я как знала, что ты тут пойдешь, – улыбнулась она. Пристроилась рядом и пошла, чуть ли не подпрыгивая.

– Чего такая довольная? Папка в МГУ пристроил?

– А вот и нет.

– Тачку купил?

– И снова нет, – Синица только больше расцвела и надула губы, услышав:

– Я в угадайку что ли играю? Хочешь рассказать, так не тяни резину. Может и я за тебя порадуюсь.

– Вот дурак ты, Неделя! – гневно сверкнула она глазами, но тут же снова заулыбалась. Вытащила из кармана небольшую плоскую коробочку и передала ему в руку. – Это тебе. Подарок.

– Да? Что-то раньше я такой щедрости за тобой не наблюдал. И по какому поводу?

– Егор, ну хватит быть букой! Нет чтобы сказать спасибо. Может, повод и есть, только он не такой важный, как тебе кажется.

– Бла-бла-бла... Спасибо, Синица. Я очень рад, что тебе на меня не насрать. Довольна?

– Дурак! Открой хотя бы.

– Дома посмотрю.

– Егор! – Ирка быстро обогнала парня и встала у него на пути. – Открой сейчас!

– Ну если вам так не терпится... – Егор сорвал бумажную упаковку с бантиком, отбросил ее в сторону и, перевернув коробочку вверх дном, потрянул. Перевернул крышку на ладонь и удивлённо протянул, – Синица, это чё?

– Ну ты же сам говорил, что нужен бартер, – весело прошептала она. – Ну как? Такой обмен подойдёт?

– Ты башкой думать разучилась или у тебя там система координат окончательно сбита? Это же подсудное дело, дура! – Егор быстро перелистал военник и зло прошипел, – Да меня с этой хренью закроют лет на сто, а тебе все смехуечки?

– Ну Егора... – Синицина быстро нашла страничку с выведенной надписью: «Категория В – ограниченно годен» и ткнула в нее ноготком, – Ты же сам говорил, что не сможешь поехать на дачу из-за армии, а теперь сможешь. Чего ты так бесишься? Папа сказал, что все настоящее.

– Настоящее? И что у меня? За какие такие болячки мне белый билет выписали?

– Я не знаю. Папа сказал, что что-то с сердцем, но это не важно. Главное, что теперь ты приедешь на дачу, да?

– Идиотка!

Прорычав себе под нос несколько ругательств, от которых уши Синицыной тут же полыхнули алым, Егор рванул к остановке, игнорируя окрики. Запрыгнув в автобус, он снова отлистал страницы, сатанея от аккуратного почерка и штампов.

– Ну-с, молодой человек, я, честно сказать, немного в замешательстве и не особо понимаю, что вы от меня хотите?

Битый час Егор простоял под дверью военкомата, дожидаясь военкома. Отсидел в очереди, слушая разноголосые зазывания мамочек, умоляющих не брать их сыновей в армию, а теперь смотрел на пожилого мужчину и не понимал, как он

не понимает, что это явка с повинной.

– Я в армию хочу так-то.

– Похвально. Удивительно и похвально, но сути вопроса я так и не понял.

– Так я ж здоров! Вот только с соревнований и сразу к вам.

– Выиграл?

– Да. Первое место.

– Парень, я рад за тебя. Рад, что не раскисаешь и в армию рвешься...

– Так я здоровый!

– Молчать, когда старший по званию говорит! – рявкнул военком. – Сопляк. Встать!

Егор тут же подскочил, а мужчина окинул его колючим взглядом и прогрохотал:

– У меня там полный коридор таких же сопляков, косящих под дурачков и ссущихся в штаны. Все что угодно, лишь бы откосить от призыва, а он мне тут доказывает, что здоров. Видишь подпись? – палец припечатал размашистый росчерк в военнике, почти полностью его скрывая, но Егор кивнул. – Я ее, по-твоему, просто так ставлю?

– Нет.

– Отвечай по уставу!

– Никак нет!

– То-то же. Комиссия признала тебя не годным. Ясно?

– Так точно.

– А теперь кругом марш и вали! Документы не забудь!

Ещё раз придёшь, я тебе таких отметок наставлю, что потом на работу не устроиться будет! Пришел тут, сопляк, права качать. Вон отсюда!

Выйдя за дверь, Егор только и смог, что отойти в сторону, пропуская следующего из очереди. Постоял с военником в руке, не зная что дальше делать и куда бежать, сунул книжицу в задний карман джинсов и вытащил мобильный:

– Половинка, давай минут через двадцать встретимся. На нашем месте.

Без приветствия, без объяснения. Она и так догадается, что случилась какая-то дичь.

– Эй, ну чё? Прокатило? – спросил у Егора какой-то полудохлый паренёк с выпученными, как у рыбы, глазами.

– Неа. Выгнал.

– И куда тебя?

– В смысле куда?

– Служить куда?

– А-а-а... Спецбатальон. Диванные войска.

– Чего? – протянул рыбоглазый.

– Вот и я про то, что херня какая-то. Бывай, снайпер.

Егор быстрым шагом сбежал по лестнице и, подтянув сильнее ремень у сумки, стартанул в сторону набережной.

Плюх-плюх-плюх-плюх... Плюх-плюх-плюх... Бултых... Плюх-плюх-плюх-плюх-плюх-плюх... Камушки бодро подскакивали на воде и уносились вдаль, брошенные резким

движением руки. И пока Ася слушала скомканный рассказ, Егор все кидал и кидал плоские камушки, вымещая на них скопившуюся злость.

– А военком меня послал и как-то так... – размахнувшись, парень одним броском отправил все камушки в полёт и медленно побрел к высушенному на солнце топляку, на котором сидела Аська.

– И что Синица хочет в обмен?

– Чтобы я приехал после выпускного к ней на дачу. И, нет, не один, а со всеми. Уточняю на всякий случай.

– Да даже если и один... Держи, – Половинкина протянула Егору военный билет. – Знаешь что?

– Что?

– А ты едь.

– Ась.

– Без Ась. Сам про обмен ей сказал. А то, что Синица все буквально подумала... Так ты вспомни каких размеров у синиц головы. Там мозгов на чайную ложку не наскребешь. Считай, что плюстик она заслужила.

– Мне с ней что, спать теперь что-ли?

– А это ты сам решай, – Ася посмотрела под ноги и носком кроссовка вывела знак вопроса на песке. – Она тебя от армейки отмазала. Наверное, ждёт чего-то в ответ... Да и от тебя не убудет. Все равно с кем-то мутить начал бы, а так... На готовенькое приедешь.

– Ась...

– Чего Ась-то? Списать – Ась, поспать – Ась, трахаться с Синицей или нет – тоже Ась. Я у тебя служба спасения что-ли?

– Ты чего завелась-то?

– Да задолбало уже про твоих Синиц и Глызиных слушать. Других тем нет? Или со мной только об этом можно поговорить? Хочешь – спи, не хочешь – не спи. Мое-то какое дело? Или ждешь одобрения? Кобель.

– Чего сразу кобель-то?

– Да ничего! – Ася резко поднялась и пошла к воде. – Делай, что хочешь.

Дернула плечами, стряхивая ладони Егора, подошедшего сзади, потом ещё раз и ещё. Пискнула, когда он обхватил ее, прижав руки к бокам, и затихла, не в силах пошевелиться. А Егор вроде бы и собирался встряхнуть ее, как котенка, но в последний момент вся эта решительность куда-то испарилась. Исчезла, оставив вместо себя тихий шелест набегающей волны, песок под ногами и такое непонятное состояние, что хотелось постоять так ещё и ещё, и ещё. Чтобы понять. Только Половинка как-то сдавленно выдохнула или всхлипнула, и Егор резко отстранился назад, разжимая руки.

– Чего-то я борщанул. Да, Ась? Болит где?

– Нет... – еле слышно выдохнула она, мотнув головой.

– Аська, ты извини, что я так...

– И ты...

– Мир?

– Мир.

Она стояла не оборачиваясь, кусала губы, чтобы перед глазами расступилась молочная пелена, а сердечко колошматилось сошедшей с ума швейной машинкой. И если бы Ниделин встал перед ней сейчас, заглянул в ее глаза, то увидел бы, что сотворил с Половинкой одним своим прикосновением, и она точно сгорела бы со стыда. Аськины щеки полыхали огнем и никак не собирались остывать. Вспыхнула, оказавшись в его руках, словно пороховая бочка от искры, и продолжала тлеть, чувствуя спиной испуганный взгляд. Видела, как он смотрит на других, слышала, что отталкивает резко и бесповоротно, но ни разу в его взгляде не прочитала страх. Не слышит, не слушает, не даёт сказать, а тут... ждёт, что ответит.

– Ась... Ты как?

Ладонь осторожно трогает за плечо, и тело снова начинает сходить с ума, предательски выбрасывая белый флаг. И кожа зудит, зудит, зудит... Нужно всего лишь дернуться вперёд, оборвать все, но нет никаких сил. Сколько думала, как это вообще происходит, когда внизу живота появляется истома. Сколько пыталась представить, что там может тянуть от простого прикосновения, а сейчас... Голову лихорадит то самое, разбуженное, уговаривает, упраскивает постоять так ещё чуть-чуть.

– Егор... – просипела Ася, отстукивая зубами частую дробь.

– Половинкина!

Рванул, разворачивая к себе лицом, сорвал куртку и, накинув на дрожащие плечи, начал растирать спину, руки.

– Ты чего молчишь, что замёрзла? Половинкина! Язык проглотила? Чего киваешь? Ты только попробуй простыть, я тебя тогда живьём вверх ногами закопаю!

– Зачем?

– Аська, ты дура? Думаешь, я тебе выпускной позволю пропустить? Где ты ещё оторвешься по полной, а? Пивасик, шашлычок...

И если для Егора упоминание о даче ассоциировалось больше с весельем, то для Аськи совсем по-другому. Прошлое лучше любого ледяного душа. Сметая разбушевавшиеся фантазии и царапая сердце острыми когтями. Оставив после себя лишь горькую улыбку на губах.

– Ну да... – кивнула Половинка, возвращая куртку Егору. – Спасибо. А медаль даже не показал.

– Это мы сейчас быстро исправим, – парень подлетел к сумке, вытащил из внешнего кармашка новую медаль и грустно улыбнулся. – Прикинь, Ась, она же последняя получается. Только сейчас дошло.

– Десятая?

– Ага, – Егор подкинул ее на ладони, потёр большим пальцем и с довольной улыбкой нацепил Аське на шею. – Это тебе.

– Совсем сбрендил?

– Нет. Вот хочется мне, чтобы она была у тебя. Извини, но первую не отдам, а вот эту, да. Считай, что у меня бзик и резко проснувшаяся форма этого... романтизма, во!

– А мне кажется, что это обострение кретинизма!

– Одно и то же.

– Неделя, ты с какой колокольни упал, что так головой треснулся?

– Ой, ее уже давно нет. Снесли, чтобы больше похожих на меня случаев не повторялось, – рассмеялся Егор. – А так, чтобы не случилось, я всегда буду помнить, что у меня есть ты. Ну и ты, если хочешь, конечно, можешь обо мне вспоминать.

– Ниделин, ты что задумал? – тут же напряглась Ася.

– Спокойствие, фройляйн. Ничего такого я не задумал. Ты экзамены сдашь, поступишь в какой-нибудь мегапрестижный ВУЗ и свалишь из этого города, а мне даже местное ПТУ не светит. Буду сидеть по вечерам, смотреть на свои медали и о тебе думать.

– Дурак! – Аська по инерции отвесила шутнику подзатыльник, но медаль все таки спрятала. – Пошли лучше к нам обедать, пока я тебе остатки мозгов не вышибла.

– О-о-о! – протянул Егор, подхватывая свою сумку, – И снова плюстик отправляется в пользу Аськи Половинкиной! Сегодня тоже ничего другого не обломится? Я ж вроде как чемпион?

– Шампиньон ты, Неделя!

– Как скажешь, Ась.

4

– Что ж вас так много-то? – спросил Егор, перебирая листы экзаменационного Теста по русскому. Именно с большой буквы. В придыхании Карловны, рассказывающей о ЕГЭ с восторгом, грёбанный тест не мог быть просто тестом. Это же Тест тестов, священный Грааль.

– Ниделин! Без разговорчиков!

– Да я просто...

– Без просто! Ручку в зубы и пиши!

– Ох, какие мы грозные, – пробурчал Егор, но изобразил на лице самое смиренное смирение и уткнулся в листы. Заполнил шапку, а потом, – Ну, понеслась. На золотом крыльце сидели: царь, царевич, король, королевич, сапожник, портной. Кто ты будешь такой? Говори поскорей, не задерживай добрых людей.

В пустом квадратике, оказавшемся в этот момент под кончиком ручки, появилась галочка, потом таким же образом выбрался ответ для следующего вопроса, и для следующего, и для всех остальных тоже. Сдавленно проржавшись, Егор быстро пробежался взглядом по всем листам, поднялся со своего места и пошел сдаваться.

– Я все.

– Ниделин? Куда ты так торопишься?

– Домой. Мамка борщ сегодня сварила, а я не люблю, ко-

гда он холодный.

Положил тест на стол, за которым сидели представители экзаменационной комиссии, и, насвистывая под нос что-то веселое, вышел в коридор. Запрыгнул на подоконник, включил на телефоне музыку – новое развлечение пришло в голову так же неожиданно, как и считалка для теста. Под глухие басы, раздающиеся в наушниках, перемещения родителей, пришедших поволноваться за своих детей, выглядели чуть ли не комедией. Предки отличников с важными лицами трутся отдельно – та ещё компашка выпендренчиков. Родаки тех, кто попроще, мельтешат перед дверями кабинета, словно им задницы наскипидарили. Шушуются, дёргаются, успокаивают друг друга и все, как один, поворачивают головы на часы, висящие на стене. И чего так изводиться? Все сдадутся нормально. Егор переключил песню и, закрыв глаза, добавил громкости – раритетная Линда со своей «Мало огня», зарандомившейся после жесткого клубняка, немного рушила клип, творящийся в коридоре, но попала в ритм мыслей. А они тоже дергались, как припадочные, только не вокруг экзамена. Аська уедет – у нее других вариантов нет. Сдаст, получит аттестат и упорхнет поступать на свой туристический (уже все уши прожужжала), а Егор останется здесь. И вроде бы нужно за нее порадоваться, но радости почему-то нет. Тоска есть, а радости... Нет, она, конечно, молодец, и приезжать будет – тут мамка... Но что ж так паршиво-то? Долбаный русский! Было бы

прикольню поступить куда-нибудь рядышком с ней, а лучше на тот же туристический, чтобы снова учиться вместе. Помогали бы друг другу, да и все же не в одиночку в чужом городе. Она же там пропадет... Нет, не пропадет. Половинкина там такого шороху наведет... Аська пробивная. Вдвоем было бы попроще, конечно, но что теперь делать, если у кого-то клинический технаризм головного мозга?

– Неделя, ты чего кислый? – Аська вышла из кабинета второй и теперь стояла перед Егором, покачиваясь с пятки на носок.

– Прикидываю свои варианты napроситься на обед, – улыбнулся он.

– Ты же про мамкин борщ говорил, а теперь что?

– А теперь передумал. Борщ батя любит и, если я его есть не буду, только спасибо скажет.

– Понятно. Ты как всегда, Неделя. Семь пятниц на неделе, – Аська рассмеялась, а потом с серьезным видом спросила, – Хоть что-то ответил?

– В угадайку поиграл.

– Дурак! Хоть первые два блока выучил бы.

– А мне не поможет. Я и русский – два не стыкуемых в пределах этой вселенной. А ты как?

– Ну-у-у, – протянула Половинка, – Думаю, что семьдесят пять – восемьдесят точно будет.

– У тебя и семьдесят пять? – фыркнул Егор, – Вангую соточку. Девяносто пять – минимум!

– Иди ты! Вангует он. Там под звёздочкой такая хрень была, но что тебе рассказывать, ты же даже читать ее не стал.

– А зачем? Там картинок не было. Вот если бы там спросили какого цвета трусы у Глызиной по понедельникам...

– О, да. Тут ты эксперт, – Аська звонко засмеялась и посмотрела на часы. – Будем кого-нибудь ждать или пойдём?

– Пойдем, конечно, – Егор спрыгнул с подоконника, замотал наушники вокруг телефона и сунул его в карман. – А чем сегодня меня кормить будут?

– Лещами!

– Бя-я-я... А мясо?

– Что-то не нравится? Тогда шуруй борщ дома лопай.

– Не, как я могу бату подставить? Уж лучше пострадаю.

– Страдалец он, как же. Халявщик ты, Неделя, каких свет не видел.

– Ага, я такой. Что делать, если в жизни по-другому никак?

– Сказала бы я тебе, да ты все равно вывернешься.

Аська поскакала по лестнице вниз, на ходу разворачивая обертку шоколадки, которую ей всучила мама утром.

Яська блаженно жмурился на подоконнике, мурча на своем кошачьем о радости ничегонеделания, но одним глазом все же недоверчиво поглядывал в сторону отдувающегося Егора. Греться на солнышке хорошо, только от подлостей котейка тоже подстраховывался. Прилетит что-нибудь, сто-

ит только расслабиться. Обязательно же прилетит.

Тетя Таня вообще не видела границ в закармливании парня. Каждый раз, когда он приходил, на стол вываливалось чуть ли не все содержимое холодильника, а женщина еще и начинала разводить тесто то на оладушки, то на блинчики, как сегодня. И только попробуй отказаться – обидится. Голодный мужчина в доме – это ж трагедия. Даже если этот мужчина всего лишь одноклассник дочери. Поэтому Егор безропотно смел все со своей тарелки, потом, вздохнув, умял добавку, заполировал это салатом и осторожно утрамбовал пятью блинами с клубничным вареньем. У него дома так не перегибали: яичница на завтрак, простенький суп на обед и макароны с тушенкой на ужин. Минимальное разнообразие в день зарплаты отца – жареная картоха с луком, – или борщ по не особо праздничным дням, вроде сегодняшнего последнего экзамена.

– Я сейчас сдохну, – выдохнул Егор, боязливо подталкивая подушку под спину. – Ты бы сказала мамке, чтобы она мужика себе нашла. Я же не вывожу уже.

– Нам никто не нужен, – отмахнулась Аська, высунув голову из-за двери шкафа. – К ней какой-то пухлик из управления ласты подкатывает, цветочки дарит, подвозит даже, но мама сама смеётся с него. Прикинь, он ей запулил, чтобы мы к нему переезжали. Типа у него и квартира четырехкомнатная, и дача.

– Нехило, – присвистнул Егор. – Упакованный перец.

– Ага. Мама так и сказала, что все бы ничего, но одной уборки в таких хоромах на полдня.

– Эт да, – согласно кивнул парень. – Пусть твоя мамка скажет, чтобы этот пухлик сперва горничную нанял, и тогда я со спокойной совестью сдам пост в его потные ладошки.

– А это идея. Только я не верю, что ты так легко откажешься от халявы, – сказала Аська. Отошла от шкафа и вопросительно посмотрела на Егора, – Ну как?

– Кайф, – парень поцокал языком, рассматривая девушку в шортиках и обтягивающей майке, а потом хмыкнул, – Половинкина, а у тебя оказывается и сиськи есть?

– Так бы и треснула тебе по башке, кобелина! – тут же вспыхнула она, прячась обратно. – Нормально сказать сложно что-ли?

– Аська, а что в этом ненормального? Ты спросила, я ответил.

– А сиськи-то здесь при чем, Неделя? – Аська быстро переделась в просторный сарафанчик и пригвоздила парня гневным взглядом.

– Я бы понял, если бы их не было, а они же у тебя есть.

– Кобель!

– За то говорю правду.

– А это как? – Аська пару раз повернулась и скривилась, посмотрев на отражение в зеркале. – Не то, да?

– Вообще не то, Ась. Шорты и майка топчик были, а тут... Как бабуля какая-то в мешке.

- Ну да, – протянула девушка. – Точно бабулька, – кивнула сама себе и снова скрылась за дверцей.
- Аська, – позвал Егор.
- Ну.
- А у тебя соски розовые или коричневые?
- Ниделин! Ты что, решил сегодня проверить себя на бессмертность?
- Прост интересно же.
- Интересно ему. Ты, вообще, о чем-нибудь другом думать можешь?
- Могу, – кивнул Егор. – Вот, например, «Чокопай».
- А при чем тут «Чокопай»? – удивлённо спросила Аська, выныривая в шортах и рубашке.
- У Кокориной соски чернющие и огромные, как «Чокопай». Раньше ел их, а теперь воротит.
- Кобелина! – прыснула девушка, мотая головой. – Тебя и могила не исправит! Пошли.
- Фу! Там скучно и одиноко, – Егор поднялся с дивана и обреченно вздохнул. – В майке было прикольнее.
- Обойдешься! На Кокорину слюни пускай.
- Бу-э-э-э... Как вспомню это желе...
- Ага, рассказывай. Потопали уже.

Впервые за последнее время на песчаном пятачке, скрытом от глаз прохожих непроездимой стеной ивняка, Аська с Егором беспечно валялись на пледе и загорали. Без зуб-

режки, учебников, тетрадей и нервов. Смотрели на зеркальную гладь реки, щурясь от солнца, включившегося неделю назад на максимум. Оно шпарило с такой силой, что сразу же нашлись смельчаки, решившие открыть купальный сезон – где-то вдалеке раздавались громкие всплески и следом резкие визги. Вода еще не прогрелась до более-менее нормальной температуры и обжигала горящую от солнца кожу своими ледяными объятиями. Неделя сперва тоже решил, что можно хотя бы разок окунуться, но когда зашел по колено в воду, пальцы на ногах скрючило, а икры прострелило от спазмов. Выскочил пулей обратно, растер ноги и на каждый всплеск мотал головой, негромко комментируя услышанное одним словом: «Придурки.» Лето обещали аномально жарким, и накопаться вдоволь времени точно хватит. Тем более что нависавшая участь отправиться в армейку вроде как уже и не была проблемой, вымораживающей мозг. А вот Синицина со своими стонотствами про дачу превратилась в дятла – при каждой встрече начинала канючить, хлопая ресницами, уговаривать и напоминать про тот самый бартер, который обмен. В ход шли даже заманчивые предложения надыбать из папкиной коллекции коньяков бутылочку чего-нибудь очень редкого. Все, что угодно, только приедь. И ведь самый смех думал напоследок замутить именно с Синицей, чтобы никого из их с Глызиной компашки не оставить без внимания, а теперь от одной мысли об этом становилось мерзко. М-да...

Аська перевернулась на живот, подставляя под лучи солнца филейную часть в плавках с ало-белыми полосками. Егор мельком глянул из-под ресниц на эти полоски и, хмыкнув, тоже перевернулся. Уткнулся лбом в скрещенные руки, загоняя поглубже зашевелившийся интерес. Гадкий утенок Половинкина со своей несуразной косой, за которую ее дергали все кому не лень до восьмого класса, как-то незаметно расцвела и стала не просто конкурировать с мажорками по привлекательности, а переплюнула их одним махом. И теперь русая коса, в руку толщиной, и детские конопушки на лице и руках стали предметом тихой зависти у самой Глызиной и иже с ними. Там, где им приходилось штукатуриться, Аська даже губы не красила – не за чем.

– Половинка, – гнусаво произнес Егор, не поднимая головы.

– У?

– А ты чего такая красивая стала, а?

– Да?

– Угу.

– Я не специально. Само как-то, – рассмеялась Аська, приподнимаясь на локтях. Посмотрела на ежик волос на затылке Недели и, не удержавшись, легонько хлопнула.

– Ты чего?

– Комар, – улыбнулась она. Легла обратно и через несколько минут спросила, – Правда красивая?

– Угу. Если бы не видел тебя в ночнухе, так обязательно

замутил.

– Дурак! – фыркнула Ася. – Таких кобелей мне даром не надо.

– А кого тебе надо?

– Неделя, отвали! Лежи спокойно, пока я тебе еще раз по затылку не шандарахнула.

– Принц на белом коне?

– Ты чего? Решил сегодня до меня докопаться?

Ася поднялась с пледа, отошла на несколько шагов и усе-
лась на песок, обхватив колени. Отвернулась, когда рядом
опустился Егор, и мотнула головой в ответ на лёгкий прими-
рительный толчок плечом в плечо.

– Просто ты реально классная, Ась. Уедешь отсюда,
а там, – Егор неопределенно махнул рукой, – Кто его знает,
что там за люди. Тут я бы ещё смог тебя прикрыть, если что.

– Ниделин, ты совсем? Что за бред несёшь?

– Да так, Ась. Забей. Прост переживаю как там у тебя все
будет.

– Нашел из-за чего переживать. Ещё скажи, что скучать
будешь.

– Буду, – тряхнул головой Егор. Поднялся и с воплем рва-
нул в воду.

У доски, на которой раньше висело школьное расписа-
ние, было не протолкнуться. Три класса буквально прилипли
к вывешенным листам с результатами ЕГЭ по русскому язы-

ку. Водили пальцами, огрызались наседающим сзади и восторженно вопили или сокрушенно вздыхали. Правда радостных воплей было в разы больше. Егор вообще не собирался никуда идти, но нет же, Аська с утра позвонила и чуть ли не в приказном порядке отправила умыться. Одной идти ей, видишь ли, страшно. Как будто присутствие Недели изменило бы результат. И вот теперь приходится смотреть со стороны на праздник для одних и понимающе кивать другим. С тридцатью баллами дорога в универ на бесплатное автоматом закрывалась, а вот на платное или в двери ПТУ всегда пожалуйста. Нам такие нужны. «Неделин, а вы куда ломитесь? Идите, идите. Аттестат принесите для начала.» Мда. Досадно и обидно. Особенно, когда твои одноклассники проходят мимо с довольными лицами, по плечу хлопают: «Красавчик, Неделя!» Поубивать вас что ли, приколисты?

– Иди сюда! – Аська рывком сдернула Егора с подоконника и потащила к доске, расталкивая всех на своем пути. – А ну свалили в туман, пока я добрая! Смирнов, оглох что-ли?

Пробравшись к спискам она быстро нашла фамилию Неделин и повела пальцем вправо. Повернулась и спросила:

– Это что?

– Где?

– Сюда смотри! – прорычала Половинка и Егор, улыбнувшись, пожал плечами:

– Не. Ну двадцать семь – это тоже неплохо, с учётом того,

что я в угадайку играл.

– Какие двадцать семь? Ты издеваешься что-ли? – спросила Аська. Развернулась к списку, чертыхнулась, и, отобрав линейку у самого прошаренного, снова повторила вопрос, – Ну? Что это?

– Это... – Егор медленно прошёлся взглядом от своей фамилии к цифре-результату. Потом ещё раз, затем отобрал линейку у Аськи и сам, с самого верха листа, начал опускать ее вниз, чтобы исключить ошибку. Но даже при таком раскладе девяносто восемь из ста выглядели каким-то изошрённым издевательством. – Чего-о-о? Эт че? Ась, это не я!

– Да? Не ты? – спросила девушка и повисла у парня на шее. – Неделя! Ты бы всегда так угадывал! Йуху! Везунчик!!! А стонал-то, стонал... Кобелина! – чмокнула в щеку и тут же покраснела от собственной смелости.

– Э-э-э... – протянул Егор, ошалев от таких проявлений радости, тряхнул головой и стал двигать линейку ниже. Дошел до строки «Половинкина А.» и заулыбался шире. – Я ж тебе говорил, а ты не верила! Тютелька в тютельку попал! Половинка – ты мозг!

– Линейку отдайте, придурки, – требовательно раздалось справа.

– Держи! – Аська вернула отнятое владельцу и радостно поскакала к выходу. – Ну, куда теперь?

– Домой. Мамку порадовать надо.

– Да это и так понятно. Я имею в виду куда поступать бу-

дешь, гений? У тебя же суммарно сколько вышло? Двести девяносто восемь? Что-то на русском расслабился ты, Неделя. Вот, как пить дать, решил, что можно не напрягаться, да?

– Ась, харэ издеваться! Ты ж все прекрасно знаешь. Просто повезло.

– Мне бы так везло, Неделя! – Аська резко развернулась и, прищутив один глаз, угукнула. – Так. Надо лотерейный билет купить. Если у тебя такая пруха сегодня, то этим надо по полной программе пользоваться.

– На какие шиши, Половинка?

– А я тебе в долг дам. Только давай договоримся, что выигрыш пополам. Ага?

– Проигрыш, Половинкина.

– А спорим?

– Деньги твои, – кивнул Егор. – Я тебя предупредил.

– Пошли уже!

Схватив парня за ладонь, Половинка бодро стартанула в сторону ближайшего ларька с лотерейными билетами. Выудила из кошелька сторублевую купюру и ткнула Егора в бок:

– Выбирай.

– Ну пусть будет этот, – парень показал на третий с краю билет.

– А можно нам билетик? Ага. Вот этот. Неделя, смотри уже!

Фыркая на такую ненужную и бредовую трату денег, Егор развернул билет и выдал трехэтажную тираду, от которой

тетка в своем ларьке икнула.

– Ась... – не веря своим глазам прошептал Егор. – Кажись, реально поперло.

– Дай посмотреть, что там мне... Етить!!! А-а-а-а!!! Я ж говорила? Говорила тебе? – Аська заскакала похлеще горной козы. – Везунчик! Везунчик! Гони мои пять тысяч быстро! Сто рублей, так и быть, я тебе прощаю!

– Половинкина! Отдай билет! Отдай, кому говорю! Порвешь же!

– Может, ещё один купим?

– Иди в задницу! Не искушай судьбу! И так два раза за один день фартануло.

– Фома неверующий! На.

Получив выигрыш, Аська и Егор первым делом полетели в ближайший магазин и вышли из него с пакетом самого дорогого мороженого, какое только смогли найти. По такой жарнице это было чуть ли не самым желанным и единственным совпадением в плане «обмывания» выигрыша и сданных, наконец, экзаменов.

5

Всю торжественную часть до начала вручения аттестатов Ася просидела как на иголках. Крутила головой, высматривая Егора, но его не было ни среди выпускников, ни среди родителей. Вроде бы дошли до школы вместе, даже в школу зашли вместе, и потом Неделя исчез, словно сквозь землю провалился. И вот уже под бурные аплодисменты «А» -шек вызывают, а Егор ещё и трубку не берет – длинные гудки, хоть караул кричи. «Б» -шки эстафету приняли – снова тишина и эсэмэски одна за другой улетают в пустоту. Ася нашла взглядом тетю Катю и та только развела руками на немой вопрос, а сама дёргается не меньше.

– На сцену приглашается Егор Ниделин, – разнеслось по актовому залу, усиленное микрофоном приглашение, только вызванный не встал и не пошел к сцене. Директриса покашляла в кулачок, высматривая Егора в зале, и произнесла снова, уже громче, – На сцену приглашается Егор Ниделин. Ниделин!

– Маргарита Санна, не кипишуйте, я здесь! – раздалось от дверей за спинами пришедших последними. – Товарищи родители, расступитесь, дайте дорогу выпускнику! Осторожнее! Не помните!

– Ниделин! Можешь хоть один день без этих своих выкрутасов? – прогремела Маргарита Александровна на весь зал.

– Маргарита Санна, только мамку вызывать не надо. Она и так здесь, – Егор все же пробрался к сцене, поправил ленточку «Выпускник» и с гордо поднятой головой поднялся по лесенке, подошёл к микрофону и выдал в своем репертуаре, – Дамы и господа, вашему вниманию была представлена сценка «Явление блудного Ниделина».

Зал грохнул от хохота, а Неделя с широченный улыбкой забрал свой аттестат, опустился на одно колено и поцеловал руку директрисе.

– Мадам, благодарю за вбитые в мою голову знания. Родина вас не забудет. Этот подвиг неоценим.

Маргарита Александровна только открыла рот, чтобы отчитать этого приколиста, но видимо передумала и решила напоследок дать слабинку. Вытянулась по стойке смирно, поднесла ладонь к виску и гаркнула:

– Служу Отечеству!

И без микрофона громкий голос практически потонул в хохоте, аплодисментах и выкриках: «Браво!» Видимо родители посчитали произошедшее тщательно спланированным представлением и теперь щедро одарили овациями и директора, и главного опоздуну, который отвесил поклон и поднял вверх руки с аттестатом.

– Клоун, – беззлобно прокомментировала все Ася, когда Неделя плюхнулся на место, оставленное для него. – Дать бы тебе по башке... Ты где был?

– Там где был, меня больше нет, – ушел от ответа Егор

и дёрнул головой в сторону сцены, – Тебя зовут. Только не повторяй моего триумфа. Не оценят.

– Не дождешься. Я нормальная, а ты придурок.

Тряхнула косичками и пошла на сцену. Получила аттестат, улыбнулась маме, подошедшей запечатлеть этот момент на фотоаппарат и покраснела до корней волос, заметив, что Егор снова продирается к своему месту, но теперь тщательно прикрывая рукой огромный букет из белых и алых роз. Поправил ленточку, посмотрел на девушку, стоящую на сцене и сам застеснялся. Пожал плечами, робко улыбаясь, и медленно пошел к застывшей Асе.

– Это вроде как тебе, Половинка, – негромко сказал Егор, протягивая букет. – Поздравляю.

– Неделя, ты...

– Ну да, – кивнул он.

– Егора, Ась, встаньте поближе, – тут же засуетилась тетя Таня, щёлкая фотоаппаратом, как заведённая.

– Убери ладонь, – зашептала Ася, когда Егор встал вплотную и приобнял ее за талию.

– Не дергайся, Половинкина. Это же для истории и, заметь, без поползновений. Все прилично.

– Асенька, ну посмотри на меня и улыбнись, – попросила ее мама и сделав ещё несколько снимков покачала головой, – Ой, Егорка, Егорка... Как выдашь, так хоть стой, хоть падай.

– Выпендрожник! – прошипела Ася. – Без этого никак было?

– Неа.

– Придурок!

– Ага.

– Кобель!

– Это-то тут при чем? Знал бы, что ты так на букет отреагируешь, не подарил бы. Захочешь приятное сделать, и тут кобелем обзовут, – процедил сквозь зубы Егор, пропуская Асю вперёд. – Чтобы я ещё хоть раз тебе веник притащил...

– Дурак ты, Неделя, – выдохнула Половинка в ответ. Тряхнула косичками, прижимая цветы к груди, и улыбнулась, чтобы он не заметил, самыми краешками губ.

Они ушли раньше всех. Улизнули незаметно с банкета в столовой и медленно пошли на набережную. Он в костюме с торчащим из кармана галстуком и она в коричневом платье с белым кружевным фартуком. Две косы с пышными бантами и букет роз в руках. Аська так и не выпустила его ни на минуту. Свернули у стеллы на едва заметную тропинку, ведущую к их месту, уселись на высушенный под солнцем топляк и долго молчали. Ни один из них не знал, что сказать и с чего начать разговор. Слишком много мыслей просилось наружу, но у обоих не хватало смелости и слов, чтобы их озвучить.

– Что-то совсем уныло, да? – первым нарушил молчание Егор, дернулся было достать сигареты, но потом махнул рукой и уставился себе под ноги.

– О чем ты?

– Да обо всем...

– И что дальше? – спросила Ася.

– Не знаю. Посидим, провожу тебя и домой. Наверное, как-то так. Может Ящера выцеплю, если он никуда не свалит.

– Значит, на дачу к Синициной не поедешь?

– Нет, – Егор подцепил носком ботинка камушек и начал его переворачивать, то вдавливая подошвой в песок, то заново выковыривая обратно. – Что я там не видел?

– А если поеду я?

– Ты же не собиралась.

– Ну, ты вроде как обещал, что у меня будет отрыв по полной, вот я и подумала, что... – Аська потупилась и закусила губу, почувствовав на себе изучающий взгляд Егора. Оттянула вниз край платья, чтобы прикрыть колени, и покраснела, когда поняла, что это не получится.

Сейчас ей казалась глупой сама идея придти в школьной форме на выпускной. Все эти кружева фартука, белые гольфы и туфли лодочки. Глупая традиция, как и весь этот скомканный неловкий разговор. Буквально на днях расхаживала без стеснения перед ним в ночнушке, а теперь готова провалиться сквозь землю от стыда, чувствуя себя абсолютно голой.

– Отвернись, пожалуйста, – еле слышно прошептала она и, когда Егор сел к ней спиной, ещё сильнее ощутила собственную наготу.

Вроде бы и не смотрит, но... Аська дернула головой, перекинула ногу через ствол дерева и с опаской прислонилась спиной к спине Недели.

– Получается, что все? – спросил Егор.

– Что все?

– Конец школе, дружбе.

– Почему?

– Не знаю, Ась. Ощущение такое внутри. Вот сейчас поговорим, встанем и все. Конец. Мальчики налево, девочки направо...

– А ты этого хочешь?

– Нет. Не хочу, Половинка.

– И я нет, – вздохнула Ася. Потрогала крупные бутоны, –

Они красивые.

– Ну так и ты, Половинка, красивая.

– Все на цветы потратил?

– Не важно.

– А если я попрошу... попрошу поехать со мной на дачу, поедешь?

– Да.

– А Синицына?

– А что Синицына? Она просила просто приехать. О большем разговоров не было. Свои фантазии пусть оставит при себе. Я ее ни о чем не просил.

– Я знаю, – робко улыбнулась Ася. Чуть смелее облокотилась на спину Егора и замолчала.

Две заказанных маршрутки достаточно быстро домчались по загородной дороге до дачи Синицыной. Рубленные хохломища в три этажа, которые и дачей-то называть в здравом уме язык не поворачивается, мягко говоря шокировали, а потом оказалось, что это ещё далеко не все. Ирка только небрежно махала рукой, проводя микроэкскурсию: там у них банька – хламина в два этажа, тут гостевой домик – копия дачи, но поменьше, это беседочка – ага, всем классом там затусить, как нефиг делать, ну и вот там, у озера, что-то вроде лодочного гаража. Ни о чем дачка. Так себе. На троечку. Ну да, ну да. Уровень крутости Синицынского бати оценили. И зажратости Ирки тоже. Она ещё и поморщилась, сказав, что папуля зажал свои пенаты, а на убой, то есть под праздник, выделил всего лишь гостевой домик и беседку. Отправила всех пошарахаться и осмотреться, а сама усвистала переодеваться, прихватив с собой Глызину. Вторая половина их компании сегодня бомжевала – батяни Говоровой и Кустиной всего-то теплоход для своих дочурок и их одноклассников арендовали. М-да.

– Не кисло, – хмыкнул Егор, сплюнул под ноги и, прихватив ошалевшую Аську и пару одноклассников, пошел на разведку.

В домике на первом этаже уже стояли накрытые столы, на втором этаже что-то вроде импровизированной спальни для тех, кто в процессе гулянки малость выпадет в осадок –

куча надувных матрасов, подушек и пледов.

– Значит так, народ, – произнес Неделя, спустившись вниз, – Саня, поищи, где тут шампура и мясо. Вытащишь все и нанизывать начинай. Макс, по коробкам пошукай. Надо понять, что у нас по алкашке и часть заныкать, а мы с Половинкой мангал раскочегарим.

– О'кей, – кивнули парни и быстро разбежались в разные стороны.

– Быстро ты в командиры записался, – улыбнулась Ася.

– Кто-то же должен, – ответил ей Егор, подхватил два пакета с углем, кивнул девушке взять ещё один и пошел на улицу. – Я не претендую и спокойно все это передам тебе, если хочешь.

– Вот ещё, – фыркнула Аська. – Я сюда отдыхать ехала.

– Вот и отдыхай, – бросив пакеты перед мангалом, Неделя забрал из рук Аси третий и, обернувшись, громко свистнул. – Эй, народ, чего там прилипли? Шкрябина, метнись за Синицей, а. Мы тут в тишине что-ли должны тусить? Пусть организует чего-нибудь уже. Рыжий, харе очками отсвечивать! Рот закрой пока комарами не нажрался и дуй сюда. Будешь главным раздувальщиком. Зажигалкой пользоваться умеешь, гений?

– Неделя, а ты не... – попробовал было взбрыкнуть парень, но, увидев красноречиво сжатый кулак, тут же замолк и обречённо поплелся к мангалу.

– Так, всех озадачили, теперь можно и отдыхать, – кив-

нул Егор, подмигнул Асе и негромко выматерился на Рыжего, который по дурусти чуть не спалил себе и им волосы.

От поднесенного огонька щедро политый разжигайкой мешок с углем полыхнул метра на два вверх.

– Вали отсюда, пироман хренов! – прорычал Неделя, придавая ускорение парню смачным пендалем. – Ничего доверить нельзя, а ещё очки нацепил!

– Да я в первый раз...

– Ты так с девушкой в первый раз зажигай, Рыжий! – бросил ему в спину Егор, повернулся к хохочущей Асе и широко улыбнулся.

К тому моменту, когда подошли переодевшиеся, наконец, Синицына и Глызина, вокруг мангала уже собрались все, и каждый считал своим долгом дать совет Егору. Никто толком не представлял как именно готовят шашлыки, но все видели или, как минимум, стояли рядом и точно знали единственно верный способ.

– Ой, Егор лучше знает, – пропела Ирка, проводя ладонью по спине парня, – Так ведь, Егор?

– Ещё тебя тут не хватало под руку, – пробурчал он в ответ, переворачивая шампура. – Вместо того, чтобы показать где все, свинтила красоту наводить.

– Ты заметил? – спросила она, кокетливо поправив локон.

– Синица, тут все заметили, что вам с Глызиной лишь бы попонторезить.

– Фи, Егор, ты сегодня какой-то грубый.

– Не грубее вчерашнего.

– Половинкина, а ты чего стоишь? Принеси чего-нибудь Егору выпить. Не видишь что-ли, что ему жарко?

– Сеница, притормози со своими замашками.

– Ну, Егора, я просто о тебе забочусь, – девушка надула губы и помахала ладошкой на лицо. – Тут же просто пекло какое-то. Если хочешь, я могу и сама принести. Да, Кать? – Сеницына повернулась к своей подруге, и та кивнула.

– Лучше музыку организуй, а тут мы сами как-нибудь разберемся.

– Как скажешь, – Ирка снова пробежалась пальцами по плечам Егора и бросила в сторону Аси презрительный взгляд. – Кать, пойдем, не будем мешать мужчине готовить.

Через несколько минут под крышей беседки заморгала разноцветными огнями светомузыка, но самой музыки слышно не было. Сеницына с Глызиной без особого энтузиазма покрутились рядом с музыкальным центром, а потом наперебой стали звать Егора подойти и помочь.

– Совсем уже что-ли? – прошипел Неделя. – Хоть разорвись. Сань, глянешь, что у них там не включается?

– Ага, – кивнул ему парень и быстрым шагом пошел на помощь к погрустневшим девушкам.

– Неделя, тебе походу сегодня тройничок светит, – сально ухмыльнулся Максим, – Сеница с Глызиной явно не просто так намарафетились. Красавчик! Расскажешь потом?

– Завались. Лучше кастрюлю притаракань какую-нибудь под шашлындос.

– Неделя, ты чего?

– Ничего. Знал бы – хрен поехал.

– Неделя, ты с какой ноги сегодня встал?

– С правильной. Кастрюлю тащи!

Егор скрипнул зубами, заметив краем глаза, что Ася кусает губы и дышит паровозом. Ещё пара-тройка таких намеков в его адрес и потом Половинка рванет куда-нибудь подальше, чтобы прореветься в гордом одиночестве. Уж что-что, а эти маячки в настроении подруги давно известны. Так же пыхла, когда первую двойку получила и боялась домой идти, и когда Яська хомяка укокошил. Сперва будет паровоз изображать, а потом начнет кончик косы лохматить, как сейчас... Етить!

– Рыжий, сожжешь мясо, и я тебе тоже кой-чего прижгу! Понял?

– Так я не умею же...

– Учись! – подтолкнул замямлившего парня к мангалу, а сам схватил Аську за руку и потащил в сторону озера, приговаривая, – Половинкина, потерпи пару минут!

Завел ее в полутемный гараж, усадил на сложенные друг на друга спасательные круги и закрыл дверь.

– Все. Теперь можешь реветь.

– Не буду!

– И правильно. Чего из-за всяких дураков слезы лить,

да, Ась?

– Да, – кивнула она в ответ, а сама вцепилась пальцами в круг, на котором сидела и зашмыгала носом.

– Да, а сама сопли гоняет.

– И ничего я не гоняю!

– А то я не слышу.

– Вот и не слушай! – всхлипнула Аська. Пригладила нитки над коленкой у распушившегося края своих рваных джинс и разревелась.

– Ась, ну ты чего? – осторожно придвинувшись к девушке спросил Егор.

– Ничего! – отмахнулась она, а сама посмотрела на двери и потом уткнулась лицом в ладони.

– Аська, ну чего ты, а. Ну, Ась...

– Чего, Ась? – всхлипнула Половинка. – Я не слепая.

– И чего ты не слепая?

– А ничего! Сам не видишь что-ли?

– Ась, завязывай, а. Чего воду-то лить?

– Вырядились... «Егора знает, Егора, помоги», а я стою, как дура... А она ещё наглаживает...

– И ничего ты не дура, – улыбнулся Егор. Присел рядом с Асей и осторожно провел ладонью по подрагивающему плечу. – Ты ещё скажи, что ревнуешь.

– Вот ещё. Обойдешься!

– А чего тогда ревешь?

– Обидно.

– Приехали... – Неделя поднялся и, заложив руки за голову, резко выдохнул. – Ничего не понимаю.

– А чего тут непонятного? Ирке ясно что от тебя нужно. Макс и тот все понял, а ты как будто этого не замечаешь.

– А меня кто-нибудь спросил? Или если Синица там в своей голове нафантазировала, то я теперь как бычок на закланье обязан пойти?

– Как будто ты не пойдешь.

– Половинкина!

– Что?

– Объясни мне тогда, раз ты такая умная, что я здесь с тобой делаю, если, по-твоему, я только и думаю как бы с Синицей переспать, а?

– Ну вот, а сам говорил, что я не дура, – снова захлюпала носом Ася.

– Да блин блинский! Осетрина, ты в крайности-то не кидайся.

– Сам ты осетрина! – моментально вспыхнула Ася. – Может, и мне твое прозвище вспомнить? Приятно будет?

– Зато сработало.

– Дурак!

Аська фыркнула, отворачиваясь, и стала быстро вытирать слезы, бухтя себе под нос все, что думает по поводу таких способов помогать.

– Да-да-да, – кивнул Егор, опустил на корточки перед девушкой и внимательно посмотрел на ее лицо. Смахнул

пару пропущенных слезинок, помотал головой и вытащив из кармана платок опустил его в воду, а затем стал осторожно прикладывать к щекам Аси. – Вот вечно ты реवेशь из-за каких-то пустяков. Я ж тебе сказал, что еду с тобой. Значит что? Значит Синица со своими намеками может смело идти в задницу. Я понятно говорю или повторить?

– Прям так и в задницу.

– Именно туда. Сама говорила, что у нее мозгов на чайную ложку не наскребется, а ведешься так, будто у тебя их вообще нет. Вот только что-то я сомневаюсь, что без мозгов можно русский на девяносто пять сдать.

– Кто-то и на девяносто восемь сдает, – улыбнулась Ася.

– О! Вот этот настрой мне уже нравится, – Егор ещё раз смочил платок и провел им по подбородку девушки, случайно задев костяшкой пальца припухшие губы.

Ася дернулась, как от удара током, и даже в полутьме гаража было заметно, что у нее вспыхнули щеки.

– Извини, – глухо произнес Неделя. Сжал мокрую ткань в кулаке и резко поднялся. – Давай ещё немного посидим и пойдем обратно.

– Хорошо, – кивнула Ася. – Ты только без меня не уходи, ладно?

– Ладно, Ась. Я подожду.

Ближе к полуночи большая часть класса стала разбиваться на небольшие компании. Кто-то болтал за столом о по-

ступлении, кто-то танцевал в беседке, а несколько парочек уединились под покровом темноты, и только проходя мимо можно было услышать звуки поцелуев и шебуршание одежды. Егор старался проскочить такие места как можно тише, а после перекура возвращался обратно другой дорогой. С двумя целями: первая, чтобы не мешать, а вторая – посмотреть со стороны на Половинку, закутавшуюся в плед. Она не особо рвалась танцевать – буквально упиралась рогом, – стоило зазвучать первым аккордам медляков, практически не пила – пригубила из бокала, а потом только делала вид, что пьет, – и не особо участвовала в разговорах – так, ответит, если ее о чем-то спросят, и снова погружается в свои мысли. Сидит, кутается в плед, смотрит на темные силуэты сосен или на лунную дорожку на озере, улыбается своим мыслям и иногда, всего раз или два, обернется, чтобы посмотреть в сторону, где курил Егор. И в этот момент он улыбался. Стряхивал пепел, неторопливо затягивался и кивал, снова соглашаясь с тем, что купить букет для Половинки было правильно. Не потому, что захотелось выпендриться, как она подумала, а потому что захотелось сделать ей приятное. И чем дольше Егор на нее смотрел, тем сильнее крепло решение – документы на поступление он подаст на туристический. Баллов хватит. И бегать тоже хватит.

– Ну и как вам праздник, молодой человек? – раздалось за спиной басовито.

Егор обернулся и посмотрел на стоящего с сигаретой муж-

чину.

– Добрый вечер, Сергей Львович, – поздоровался он с отцом Ирки. – Круто.

– Это не может не радовать. Ира очень просила, чтобы после выпускного весь класс смог собраться и вот так отдохнуть. Без родителей.

– Ну да. Клёво.

– Может выпьем чего-нибудь, Егор? – спросил Синицын. – Тебе же уже восемнадцать?

– Ну да, но...

– Буквально по рюмочке. Из уважения к хозяину дома, так сказать. Надолго я тебя не задержу, обещаю.

– Ну если только совсем каплю, – кивнул Егор.

– Ну вот и хорошо. Пойдем.

6

– Проходи, почувствуй себя как дома, – открыв перед Егором дверь в кабинет, мужчина сделал приглашающий жест рукой и после того, как парень вошёл, звякнул стеклом двух бокалов. – Пробовал когда-нибудь «Хэнесси»?

– Нет. Я вообще такое не пью.

– Такое крепкое или такое дорогое?

– И то и другое.

– Ну, надо привыкать, – усмехнулся в усы Сергей Львович, передал один бокал Егору и показал на кресло, – Присаживайся, не стесняйся.

– Спасибо.

Обойдя стол, мужчина бесшумно опустился в кожаное кресло, хотя под более лёгким Неделей оно закрипело.

– Как экзамены?

– Неплохо, – Егор понюхал содержимое своего бокала, но пить первым не стал.

– Неплохо? – рассмеялся Синицын, – Скромность – это хорошо. Но и она должна быть в меру. Иринка рассказывала, что ты одним из лучших в классе сдал русский, а математику и физику так вообще самый лучший.

– Ну, с русским мне просто повезло, Сергей Львович. Я так-то больше технарь, чем гуманитарий.

– Да-да... Слышал-слышал... – хмыкнул в усы мужчина

и пригубил коньяка. – Замечательный напиток для разговоров. Ты не стесняйся.

– Да я как бы и не стесняюсь, – Егор тоже сделал крохотный глоток и с непривычки закашлялся. – Крепкий.

– Так и ты не слабый. Спортом вроде как занимаешься. Лёгкая атлетика, да?

– Да. Бегаю потихоньку.

– Хорошее дело, хорошее, – пододвинув пепельницу, Синицын достал из кармана пачку и снова повторил, – Не стесняйся. Что ты там куришь? Дрянь какую-нибудь? Если уж курить, так табак, а не бумагу.

– Да я так-то только что...

– Бери, – с нажимом произнес мужчина и Егор быстро вытащил сигарету. – Какие планы? Институт или в армию.

– Так-то в институт, но я совсем что-то забегался, Сергей Львович... Мне, наверное, нужно было сразу вам позвонить и сказать спасибо, но тут такое дело...

– Не переживай. Пустяки. Было бы странно, если бы я не помог дочери. Особенно, когда она так настойчиво просит. Ты же знаешь, какая Иришка упертая. Вся в мать.

– Ну я с ней не то чтобы сильно дружил, чтобы так говорить...

– А мне так почему-то не кажется, Егор, – медленно произнес Синицын. Сдвинул бокал на край стола и сцепив пальцы в замок пристально посмотрел в глаза парню, – Дружили. Может даже больше, да?

– Я, наверное, лучше пойду, Сергей Львович? – Неделя привстал с кресла, но тут же опустился под наливающимся кровью взглядом обратно.

– Егор, ты ведь прекрасно знаешь, что Иришка – единственный ребенок в семье.

– Ну-у-у да.

– И я очень надеюсь, что у тебя нет сомнений в моих связях. Так?

– Я не очень понимаю к чему вы клоните, Сергей Львович. Вы крутой... то есть серьезный человек.

– Вот именно, Егор. Вот именно. И мне крайне непонятна сложившаяся ситуация.

– А-а-а какая, если не секрет? Я что-то малость не вдупляю...

– Да? А что ты скажешь на это? – спросил мужчина, достал из верхнего ящика стола какой-то узкий пластиковый футляр и бросил Егору на колени. – Что это такое, друг? – последнее слово Сеницын фактически прохрипел.

Судорожно протолкнув комок в горле, Неделя взял в руки брошенную штуку и повертев его никак не мог взять в толк, что это за хрень, пока на одной из сторон не увидел небольшое окошечко с двумя тонкими малиновыми полосками.

– Это... это... это... – севшим в миг голосом просипел он.

– Да, дружок, это результат вашей с Иркочкой дружбы, – подтвердил догадку Егора Сеницын. – Так дружили, что не заметили, как доружились?

– Я... вы... я с ней.. вообще... – замотал парень головой, – Такого быть не может, Сергей Львович! Я вам клянусь, что Ирку пальцем даже не трогал, не то чтобы вот это! Это точно не я. В смысле не то, что она с кем-то ещё, а то, что я с ней не... Да я богом клянусь, что с ней не спал! – выпалил Егор, залпом выпил остатки коньяка, сунул сигарету в зубы и дрожащими пальцами с третьего раза зажёл зажигалку. Глубоко затянувшись, закашлялся, но затянулся снова, а потом неуверенно спросил, – Это ведь типа прикол, да?

– Прикол? – переспросил Сеницын, нависая над столом. – По-твоему, такое может быть приколом? Ты, мать твою, вообще с головой не дружишь? Или думаешь, что трахнул мою дочь, а потом, как последняя скотина, в кусты свинтишь?

– Так я же вам вроде как говорю, что не спал с ней, Сергей Львович. Может, Ирка так пошутила? Ну вы же знаете, что есть всякие такие приколы вроде...

– Молчать! – проревел Сеницын. Обошел стол и встав за Неделиным, опустил ладони ему на плечи. – Значит так, друг. Если ты думаешь, что мне можно попробовать лапшу на уши вешать, то я тебя сразу разочарую. Лучше не рискуй. У меня хватит и сил, и связей, чтобы тебе устроить такую райскую жизнь, какая даже в кошмарах не приснится. Понял?

– Д-да, – кивнул Егор.

– Вот и ладно. Вот и молодец, – мужчина похлопал парня по плечу и прихватив с собой бутылку снова бесшумно

опустился в свое кресло. Налил до половины в бокал, выпил залпом и, прочистив горло, почти спокойно произнес. – Ладно. Мне эти новости тоже не очень нравятся, но, как говорится, какие есть. Куда собрался поступать?

– На туристический...

– Нет. Не пойдет.

– В смысле не пойдет, Сергей Львович? Так-то это мне решать куда...

– Ты решать будешь тогда, когда я скажу и то, что я скажу. Понял? Ни о каком туристическом и речи быть не может. Не для того я людей напрягал твою писанину исправлять. Значит так. Документы подаешь либо на робототехнику либо на что-нибудь с компьютерами. Пойдешь туда, где гуманитарного по минимуму и профессия будет солидной. Всю эту фигню с туризмами из башки выкинь.

– А я не хочу...

– А меня это не волнует, Егор. Пойдешь, как миленький. Если ты до сих пор думаешь, что все это шуточки, то я тебе сейчас быстренько разложу варианты. Первый, ты и дальше валяешь Ваньку. Сам понимаешь, что тогда я завтра же положу на стол в ментовке заявление об изнасиловании, и ты поедешь лет так на десять лес валить. Доходчиво? И не забывай, что тут у тебя ещё родители. Мало ли что случится и их уволят? Как тебе, нравится?

– Нет, – дёрнул головой Егор.

– Вот и я так подумал, когда узнал. Ни тебе, ни мне эти

скандалы не нужны. Поэтому переходим ко второму варианту. Ты поступаешь туда, куда я сказал. Учишься себе спокойно, сессии сдаешь, а когда Ирке стукнет восемнадцать идете подавать заявление. Распишитесь, ребенка родите и будете жить припеваючи. Как у Христа за пазухой. Мы потом эту историю ещё и в плюс обернем.

– Что-то я тут плюсов не вижу.

– Ты мне еще поторгуйся. Наворотил делов, так теперь сиди и не вякай, если нечего умного сказать.

– Сергей Львович, ну должны же быть другие варианты, чтобы без вот этого всего, – неуверенно произнес Егор, но он и сам в это не особо верил. – Может, как-нибудь не так?

– На аборт намекаешь? – спросил Сеницын и расхохотался. – Нет, дружок. Нет, Егорушка. Как-нибудь так не получится.

– Но почему? Я денег найду и Ирке тоже объясню, что так лучше будет.

– О-о-о... Признался таки.

– Да ни в чем я не признался! Не было у нас ничего!

– Значит так, Егор. Если бы не выборы, то мы бы с тобой сейчас тут не разговаривали.

– Да выборы-то тут при чем? Откуда они-то ещё взялись?

– Откуда? Оттуда, дружок. Оттуда. Думаешь почему я тебе про скандалы говорил, а? О тебе что-ли заботился? Нет, Егор. Не о тебе, а о себе и Ирке. Тут ведь какое дело. Не с руки мне, чтобы она аборт делала. Ой как не с руки. Журна-

листы сейчас только спят и видят, как накопать что-нибудь погрязнее, да в своих газетенках написать под заголовком: «Кандидат в губернаторы отправляет дочь на аборт!» – Синецын даже рукой перед собой провел, будто вживую читал, а потом провел ребром ладони по горлу, – Мне эта жёлтая пресса вот где. Хорошего не напишут, а в белье покопаются обязательно. Нет, дружок. Аборт тут не поможет, и Ирка сказала, что рожать будет. Дура. Так что мы эту вашу шалость переиграем в «Дочь губернатора вышла замуж за школьную любовь!» И вам хорошо, и мне рейтинг поднимете. Народ же любит слезливые истории про счастливую любовь между простым электоратом и теми, кто повыше. Усёк?

– Но, Сергей Львович...

– Без но. Либо играешь по моим правилам и изображаешь пламенные чувства, либо... Свободен. Завтра Ирке ответ скажешь, и бежать или прятаться не советую. Из-под земли достану и тогда тюрьма тебе сказкой покажется. Дружок, – Синецын улыбнулся, но почему-то Егору его улыбка больше напомнила оскал. И это сравнение только усилилось, когда ему в спину прилетело, – Иди, отмечай с друзьями выпускной, зятек.

Выскочив на улицу, Егор жадно хватанул полной грудью воздух, показавшийся сейчас ледяным. Словно выпрыгнул распаренный из парилки прямиком в прорубь. Без предбан-

ников, тапочек и хрустящего снега под ногами. Мозг отчаянно лихорадился внутри головы ища хотя бы одну, самую малейшую, возможность, которая откатит все назад или загрохает басовитым хохотом за спиной:

– Расслабься, Егор, я пошутил.

Но никто не хлопнул дверью, не вышел на террасу и уж тем более не рассмеялся. Жопа пришла оттуда, откуда ее никто не ждал и уж тем более от того, от кого, если бы и ждал, то меньше всего.

– Синица, как так-то? – прошипел Егор, – Ведь ничего не было. Не было же.

Ненавидящим взглядом он скакал от силуэта к силуэту, ища тот, из-за чьего глупого вранья кулаки сами сжимались до хруста. Нет, нет, не она, снова нет, где же ты, тварь, спряталась, нет, нет, нет, Аська... И сердце защемило, сдавило внутри грудной клетки так, будто это и не сердце вовсе, а шея Синицыной, а ребра – пальцы, требующие сломать хоть что-то. Все, что угодно, лишь бы не так. И Половинка, почувствовав это взгляд, дернулась, повернула голову к парню и будто сразу все поняла – улыбка на ее губах потухла, а в глазах, не смотря на расстояние, он увидел отблески ещё не выступивших слез.

– Егора, ну где ты ходишь, а? Мы тебя совсем потеряли, – ележно пропела Ирка, улыбаясь и уже в который раз за сегодня протягивая ладонь, чтобы провести ею по плечу.

– Что ж ты за тварь, Синица? – прохрипел парень, стря-

живая резким движением наманикюренные пальцы, перехватил тонкое запястье своими и дёрнув подбородком отбросил в сторону.

– Егора... – протянула Ирка вслед парню, рванувшему к гостевому домику не разбирая дороги.

Столкнувшись по пути с одним из одноклассников, Неделя сперва прорычал, чтобы тот смотрел под ноги, а потом, узнав в темном силуэте Максима, выпалил:

– Алкашку куда заныкал?

– Ты это, Неделя, чего? Сам же сказал...

– Где? – захрипел Егор и Макс, вздрогнув, махнул себе за спину:

– На втором этаже, в дальнем углу поставил и пледами закидал.

– Красава.

Кивнул и рванул дальше. Через три ступеньки взлетел по лестнице, разметал по сторонам пледы и, подсветив фонариком на телефоне, быстро стал вытаскивать и убирать одну за другой бутылки. Словно издеваясь, Максим свалил в коробку минералку, соки, воду, несколько баночек пива и только на самом дне Егор обнаружил бутылку водки. Несколько пластиковых стаканчиков, прихваченных не глядя со стола, коробка вишневого сока и полупустая тарелка с нарезкой – парень хватал первое попавшееся под руку, чтобы потом, отмахиваясь от встречающихся, уйти в лодочный гараж. Хлопнув дверью, Егор привалился к ней спиной и несколь-

ко раз ударился затылком о вышкуренные доски. Хотелось выть, но горло только и смогло что прохрипеть:

– Ненавижу!

Ася нашла его через час. Тихонечко приоткрыла дверь, вошла бесшумной тенью и едва коснулась сцепленных на затылке пальцев.

– Половинка, ну почему все так? – спросил сгорбившийся Егор. Зло отпнул так и не открытую бутылку и она покати-лась по доскам настила. Замерла на самом краю, в нерешительности, и все же упала в воду, практически не издав ни звука.

– Все плохо?

– Ась, ты даже не представляешь на сколько.

– Это можно как-то исправить?

– Я не знаю. Ась, я правда не знаю. Я сам не понимаю, как такое возможно. Я ведь с ней не спал, понимаешь? Не спал!

– Я тебе верю.

Ася придвинулась ближе, потопталась, оглядываясь назад, а затем скинула плед Егору на колени, вытащила из угла огромных размеров сумку и потащила ее волоком, чтобы подпереть дверь изнутри. Подергав за ручку и убедившись, что никто не сможет войти, Половинка присела рядом с парнем, закутала его и себя в плед, прижимаясь плечом к плечу.

– А помнишь... – неуверенно начала она, – Помнишь, как в девятом классе нас с тобой закрыли в раздевалке? Ещё

и свет выключили. Я тогда уревелась от страха, а ты вот так же сидел рядом и говорил, что все будет хорошо. Помнишь?

– Помню, Ась. Только тут через четыре часа не придет вахтерша и двери не откроет.

– Ты ещё хотел стекло разбить и попробовать через решетку выползти на улицу.

– Ну да. И разбил бы, если бы кто-то не стонал, что я себе обязательно руки изрежу, – хмуро улыбнулся Егор. – Я ж не совсем дурак кулаками стекла хреначить, Ась. Взял бы скамейку и ей уже выстегнул.

– Я ж не знала. Что ты вообще в раздевалке забыл?

– С Ящером поспорил, что притащу оттуда лифчик.

– Дурак. Вот же дурак ты, Неделя, – хмыкнула Аська. – Ты что думал, что кто-то в раздевалке лифчики оставляет?

– Я ж не знал.

– И что поспорил?

– Три щелбана.

– Вы вообще придурки? Хоть бы на что-то стоящее спорили, а так... Мог бы у меня попросить, я б дала.

– Половинкина, ты тогда выла и тряслась, как заяц, и у меня честно говоря мысли такой в голове не возникло, чтобы с тебя лифон снимать, – мотнул головой Егор. – Сидит, воеет, как потерпевшая, и зубами стучит.

– Знаешь как страшно было?

– Наверное, – пожал плечами Неделя.

– Зато сейчас так смешно это вспоминать.

– Ну да. Прикольно было. Только сейчас вряд ли получится отделаться щелбаном.

– Эй, Неделя, а давай найдем скамейку?

– Зачем? – спросил Егор.

– Как размахнемся и шандарахнем, а?

– Аська, Аська, – покачал головой парень, приобнимая девушку, – Где б найти такую скамейку...

– Где-нибудь найдем.

– Мне бы твою уверенность.

– Держи, – Ася высунула из-под пледа ладошку, сложенную лодочкой, и заговорщически прошептала, – Ты только ее не потеряй, ладно? У меня больше нет.

– Аська, вот ты... – рассмеялся Егор, но через мгновение подставил свою ладонь под ладошку девушки и застыл, когда она осторожно стала ее наклонять.

– Только не потеряй, – снова прошептала Ася, заглядывая в глаза Егора.

– Не потеряю, Ась.

Они медленно брели к площадке, на которой стояли два микроавтобуса. Шли так, словно до победного оттягивали неизбежное. Уже встав на подножку, Ася развернулась и закусив губу смахнула покотившуюся по щеке робкую слезинку:

– Только не потеряй, Неделя.

– Ни за что, Половинка, – Егор осторожно сжал пальцы девушки и, мотнув головой, резко развернулся и зашагал в сторону дома, не оборачиваясь.

Быстрым шагом прошагал по террасе, постучался в дверь кабинета и, когда услышал: «Да», вошёл внутрь.

– И что дальше, Сергей Львович? – спросил Егор.

– Я же тебе сказал, чтобы ты позвонил Ире.

– У меня с ней не было и не будет ничего общего. Значит и говорить я буду с вами, а не с ней.

– Это мы посмотрим, Егор. Это мы посмотрим.

– Добрый день, что будете заказывать?

– Два «Мохито» и побыстрее, – не поворачивая головы к официанту, бросила девушка, передвинула дальше по диванчику пакеты и, закинув ногу на ногу, покачала головой. – Нет, Ирка, ты, конечно, меня извини, но ты дура. Сдался тебе этот Ниделин.

– Хочу и все, – ответила ей подруга, поджав губы.

– Нет, я понимаю что именно ты от него «хочу», Ирэн, но давай на чистоту? Ты как себе все это представляешь, а? Ещё скажи, что ослепла и не видишь, как он на тебя смотрит?

– Пожалуйста, ваш «Мохито». Что-нибудь еще? – официант быстро переставил два бокала с коктейлями на стол и исчез, увидев брезгливое движение руки.

Ира перемешала трубочкой ледяную крошку, сделала маленький глоток и обиженно спросила:

– Откуда я знала, что папа молчать не будет и все ему расскажет?

– А я говорила, что с тестом ты доиграешься. Придумала тоже.

– Зато теперь никуда от меня не денется. Сам виноват, – обида из голоса девушки пропала с такой же скоростью, как капля воды, превращается в одно упоминание, попав на раскаленную сковороду.

– Да-да-да, – усмехнулась Маша. – Только ты все равно ничего не получишь, Ирэн. Ни-че-го! Твой папик как ему горлышко придавил, так и тебе той же рукой хотелки обломал. И, поверь мне, теперь нежности от Ниделина можешь хоть до самой смерти ждать, а вот через пару месяцев вопрос о твоей беременности, – девушка пальцами в воздухе изобразила кавычки, – Ой как остро встанет.

– Ничего. Стерпится, слюбится. Это сейчас он зубы скалит, а завтра-послезавтра у меня с ладошки есть начнет и добавки просить будет.

– Ниделин? – Маша громко рассмеялась и помотала головой, – Нет, Ирэн, ты точно дура. Неделя тебе эту руку отгрызет раньше и не подавится. Хочешь совет? Пока не поздно гони его подальше. Папику скажешь, что тест ошибочный. Можешь даже к гинекологу с ним сходить. Поплачешься что просто перепугалась и не подумала все точно узнать. Папик у тебя сам Ниделина выпроводит. Не выйдет у тебя с ним ничего, Ир, только нервы испортишь.

– Посмотрим.

– Ой, смотри сама. – Маша окончательно махнула рукой на попытку втолковать подруге реальное положение вещей и постучала ногтями по запотевшему стеклу бокала. – Ладно. Это все, конечно, весело, но как ты с ним собираешься на люди выходить? Прятать в шкафу будешь или тоже стиль поменяешь на деревенщину? Я-то еще глаза закрою – подруга все же, – а вот другие не поймут, Ир. Ты в какой

галактике представляешь его кроссовки рядом с твоими Лабутенами?

– Не переживай. Не глупее тебя. Пройдусь с ним по магазинам и потом посмотрю, как ты слюни на него пускать будешь.

– Я? – Маша широко улыбнулась в ответ и, откинувшись на спинку диванчика, произнесла, – Я от него и так получила все, что хотела, Ирэн. Без всяких заморочек и тестов на беременность. И, получается, что слюни сейчас пускаешь ты.

Синицина молча проглотила эту колкость. Как бы Машка сейчас не ерничала, она была права. Во всем. И про слюни, и про Лабутены. Ниделин третью неделю даже не пытался скрывать, что Ира для него – пустое место, не вызывающее никаких эмоций. Вообще никаких. И когда она ему что-то говорила, Егор глох, слеп и немел. Только когда отец повторял слова дочери, удосуживался сухо ответить: «Хорошо, Сергей Львович, как скажете.» Кивал китайским болванчиком, и снова превращался в каменное изваяние.

«Все равно будет по-моему,» – уже в который раз подумала Ирка и дернулась, когда Маша провела у нее перед глазами ладонью.

– Ау, Ирэн, ты со мной или где-то там?

– А? Что? Задумалась просто...

– Задумалась? Удивительно, – рассмеялась Маша. – И о чем? Или точнее о ком?

– Маш, если ты решила теперь постоянно меня этим под-

калывать, то лучше я пойду, – девушка поднялась, подхватила свои пакеты и с вопросом посмотрела на подругу.

– Сядь, Ир, не бесись, – Глызина глазами показала на диванчик и, когда Ира на него опустилась, постучала ноготком по столешнице. – Если хочешь как-нибудь изменить отношение в свою сторону, то стань для него пряником. Пусть твой папик гайки и дальше закручивает. Он будет для Ниделина кнутом. А ты, наоборот, не дави. Тут чуточку, там капельку. Может что и получится, – Маша посмотрела на непонимающее выражение на лице подруги и тряхнула головой. – Господи, ну ты и дура, Ирэн.

Ася выглянула из закутка, в котором стояла уже минут двадцать, высмотрела затылок Егора, добравшегося, наконец, до стола приемной комиссии, и снова нырнула за колонну. На этаже, выделенном для приема заявлений на поступление, творился суший кошмар: толкучка, путаница с очередями, кто-то постоянно толкается и норовит отдавить ноги. И если Асе повезло – на кафедре туризма особого напыла желающих не было, – то Неделе будто специально палки в колеса ставили. Кажется, кто-то наверху уже не просто намекал, а кричал во все горло, что не стоит Егору поступать на «Информационные технологии». Вообще ни разу. Сперва дома аттестат забыл, потом паспорт. Автобус, на котором они поехали подавать документы, сломался, отъехав от остановки триста метров. Ещё и очередь, запутанная настоль-

ко, что сам черт ногу сломит и плюнет. Но там, где спасует нечисть, Неделя только поморщился. И если бы Ася совсем не знала Егора, то просто удивилась его спокойствию, когда все вокруг, да и она сама, дёргаются и нервничают. А с учётом подробностей, которые Половинка практически выпытала, волосы на затылке поднимались дыбом. Как можно быть настолько спокойным? Ну как? И когда Аська ревела в голос за двоих, он ее ещё и успокаивал.

– Я все, – выдохнул Егор. – Ты же заявление на общагу написала?

– Ну да, – кивнула Ася.

– И я написал, – провел ладонью по волосам и улыбнулся, как ни в чем ни бывало. – Будем с тобой почти соседями.

– Да?

– Угу. Я у тетки, которая заявление принимала, спросил, и она сказала, что в этом году всех в новую общагу заселять будут. У вас седьмой этаж, а у айтишников восьмой. Так что жди в гости, Половинка.

– А как... – Ася осеклась и вместо вопроса про Синицыну быстро перевела все в другую сторону, – А как родители на это посмотрят?

– Да нормально. Им же проще будет, – Егор вытащил из кармана мобильный телефон и скрежетнул зубами. – Извини, Ась, – нажал на кнопку ответа и, выслушав короткий вопрос, ответил, – Написал. Зачем? Хорошо. Приду.

– Контролят?

– Ага, – кивнул Егор. – Шаг в сторону – попытка побега, прыжок вверх – попытка улететь... Скоро икнуть не смогу без звонка.

– Родителям так ничего и не сказал?

– Нет. Им ещё этого головняка не хватает до полного счастья. У мамки и так с утра давление скакануло от того, что я заявление поехал писать... – Егор помотал головой, – Сам разберусь.

– Может я с ней поговорю, а?

– Аська, Аська, вот ты... – усмехнулся парень, а потом посмотрел в потолок и протянул, – Слу-у-ушай. Можешь мне с одним делом помочь?

– Конечно, – с уверенностью закивала Ася. – А что нужно сделать?

– Пойдем тогда, расскажу все после того, как подготовимся. Только учти – никому об этом ни слова.

– Неделя, ты совсем что ли?

Выйдя из здания университета, Егор покрутил головой, а потом махнул ладонью в сторону сквера и уверенной походкой пошел к нему.

– Здесь подожди, я быстро, – шепотом сказал он Аське и припустил по дорожке, ускоряясь с каждым шагом все быстрее и быстрее. А когда возвращался обратно с каким-то пакетом в руке, ещё метров за десять крикнул, – Погнали! Быстреей, быстреей!!!

Второй раз повторять Половинке не пришлось. Рванула

следом за Егором, петляющим по дорожкам, так, что только пятки засверкали, и долго пыталась отдышаться, уперевшись ладонями в колени, когда он, наконец, остановился в глубине сквера рядом с обшарпанной скамейкой.

– Неделя... – шумно выдохнула Ася, тяжело опускаясь на пошарпанные временем и погодой доски, – Ты хотя бы предупреждай... Ну не мое это – бегать... Я ж не ты...

– Держи, – улыбнулся он, протягивая девушке один рожок мороженого. – Помогай.

– Вот ты козлина! Я тут чуть ласты не склеила, а он... – Ася взяла мороженое, покачала его в руке, примеряясь, а потом начала возюкать им по улыбающемуся лицу Егора. – Лопай, лопай пока не растаяло, садист поганый!

Выместив свою злость и увернувшись от ответной пломбирной маски, она звонко засмеялась.

Ирка поджала губы и снова простонала:

– Ну, папа, ты же обещал!

– И ещё раз говорю, что это больше не обсуждается. Обойдешься.

– Ну, папулечка!

– Без папулечек. Поживешь дома, и точка. Так будет и мне спокойнее, и матери.

– Я с мамой уже говорила, – выложила последний козырь Ирка, – И она сказала, что мне это будет даже полезно.

– Полезно думать до того, как ноги раздвигать начина-

ешь, – не выдержал мужчина. – Взрослой жизни захотелось? Я тебе ее быстро устрою! Заберу карточку и посмотрю, как ты тогда запоешь.

– Папа! – топнув ногой, девушка гневно посмотрела на отца, но на его лице не дрогнул ни один мускул. – Ну и хорошо. Раз ты так хочешь, то пусть будет по-твоему.

Ирка перевернула сумочку над столом, быстро вытащила из кошелька пластиковую карту с золотым тиснением и, пригвоздив ее пальцем, сдвинула от себя.

– Забирай! Обойдусь! И ещё тогда вот это, – следом за карточкой она отодвинула связку ключей, а оставшееся свалила обратно в сумку и, резко развернувшись, пошла к дверям. – Перееду к Егору. Мне без разницы, где с ним жить и растить ребенка.

– Иди-иди. Через неделю взвоешь и сама обратно прибежишь, – без особой уверенности в голосе произнес ее отец.

– Нет уж. Я буду жить рядом с мужем! – обернулась Ира. – Как декабристка! – вышла из кабинета и хлопнула дверью так, что звякнули стекла в дверцах шкафов.

– Декабристка она... Как же... Понахваталась... – прошипел Сергей Львович, а потом вздохнул и громко крикнул, – Ира, вернись, мы с тобой не договорили. Ира!

Подождал пару минут, сверля дверь взглядом и, так никого и не дождавшись, пошел за ней сам. Синицын остановился у открытой двери в комнату дочери, оценивая серьезность намерений – в распахнутый чемодан, лежащий на кровати,

одна за другой летели вещи под тихое всхлипывание. Трусы, майки, футболки, юбки, платья бесформенной кучей падали в уже немаленькую горку одежды. Скрипнув зубами, мужчина стукнул костяшками в косяк и обречённо произнес:

– Ириша, сама подумай...

– Нравится тебе это или нет, но я буду жить с мужем и отцом своего ребенка! – упрямо повторила Ира, всхлипывая сильнее. – Ты его так запугал, что он со мной даже не разговаривает, а мне нельзя волноваться.

Последние слова едва можно было разобрать через плач, но Синицын подошёл к дочери, мягко сжал ее плечи и осторожно забрал свитер из дрожащих пальцев:

– Ириша, так живите здесь. Никаких проблем в этом я не вижу. Никто же не против. Зачем тебе сдалась эта съёмная квартира? Тут все под рукой, а там что?

– А там мы будем семьёй.

– Ир, ну о чем ты говоришь? Тебе всего семнадцать, ему восемнадцать... Какая семья, если вы даже не говорите?

– Папа, я его люблю, как ты не понимаешь? – всхлипнула Ирка. – У меня все тут на части разрывается и болит, – прижала она ладошку к груди, – когда он на меня зверем смотрит. А там мы бы помирились. Я бы ему объяснила, что испугалась, а ты меня просто защищал.

– Ладно, декабристка. Будет тебе квартира.

– Правда, пап?

– Правда, – кивнул Сергей Львович. – Только давай дого-

воримся, что это будет не съёмная халупа. Купим сразу нормальную, ремонт сделаем...

– Мы сами сделаем, па.

– Хорошо. Сами так сами, – вздохнул мужчина. – Карточку с ключами забери.

– Хорошо, – всхлипнула Ира и протянула, – Пап...

– Что, моя маленькая?

– А можно мы тогда мамин Кайен возьмем? Она на нем не ездит совсем и другую хочет...

– Господи... Квартира, Порш. А жирно вам не будет? – спросил Синицын и тут же запричитал, – Ириш, да не реви ты... Ириш, папа просто неудачно спросил зачем... Ириша... Ну, маленькая моя... Да берите, если нужно. Мне же не жалко. Это все или ещё что-то нужно?

Девушка только громче заплакала и кивнула.

– Ладно, добивай. Только не реви уже.

– Нет. Ты и так очень щедрый. И квартира, и машина...

– Все, хватит слезы лить. Говори, что вам ещё нужно.

– Егора одеть. Ты видел в чем он ходит?

– Хорошо. Я тебе на карту переведу. Сходите и оденешь, – с нескрываемым облегчением выдохнул мужчина. – Теперь, надеюсь, все?

– Угу, – захлопала девушка носом, развернулась и обняла отца. – Спасибо, папуля. Я тебя так люблю.

– Ну вот и славно.

– Только ты можешь ему это сам сказать? Скажешь, лад-

но? А там я уже сама.

– Хорошо, – кивнул Сеницын. – Надеюсь, хотя бы по магазинам вы без меня сходите?

– Сходим, папуль. Ты у меня такой добрый... Самый лучший папуля на земле.

Если бы Сергею Львовичу предложили вспомнить самый худший момент из своей жизни, то он без раздумий выбрал этот. В его доме, в его кабинете, напротив его стола сидел в кресле его будущий зять и рядом, в соседнем, специально поставленном так, чтобы видеть лица обоих, его беременная семнадцатилетняя дочь. В самых страшных фантазиях он не мог себе представить, что она свяжется с каким-нибудь проходимцем и еще влюбится. Силой подавив желание вырвать глотку Егору, он посмотрел на дочь и медленно произнес:

– Значит так, Егор. Сейчас ты с Ирой поедешь в магазин. Она выберет и купит тебе одежду. Нормальную одежду, а не то, что тебе захочется. Понял?

– Понял, Сергей Львович.

– Все, что она скажет, померяешь без разговоров и носить будешь только то, что она купит. Понял?

– Понял, Сергей Львович.

– Так, с этим разобрались. Теперь пойдём дальше, – Сеницын снова посмотрел на дочь и ключ от полугодовалого Порше, поднял его и бросил Егору. – Вот вам машина. Ез-

дить хотя бы умеешь?

– Показать права, Сергей Львович? – все тем же бесцветным голосом спросил его парень.

– Не беси меня, – прохрипел мужчина, – и отвечай на вопрос.

– Умею, Сергей Львович.

– Папулечка, пожалуйста...

– Ириша, помолчи. В общем так, Егор. Хватит тебе у родителей на шее висеть. Завтра-послезавтра переезжаешь и будешь жить с ней, – палец Сеницына показал на Иру, а в кабинете снова раздалось бесцветное:

– Понял, Сергей Львович.

– Каждую ночь ночуешь там. И только попробуй хоть раз не придти.

– Понял, Сергей Львович. Разрешите задать два вопроса?

И у мужчины брови подскочили вверх от неожиданности.

– Слушаю.

– Мне можно устроиться на работу?

– Зачем?

– Хотя бы для того, чтобы было на что заправлять машину и покупать еду.

– Я сам найду тебе работу, когда посчитаю нужным, и сделаю карточку. Раз в месяц буду на нее переводить деньги. За любые расходы не на семью, – Сеницын чуть не поперхнулся, произнося это слово, – шкуру спущу.

– Понял, Сергей Львович, – кивнул Егор. – Тогда вто-

рой вопрос, мне можно выходить из дома, чтобы заниматься спортом и встречаться со своими друзьями?

– Спортом можно, а на счет друзей, – мужчина посмотрел на дочь и расплылся в хищной улыбке, – договариваться будешь с Ирой. Если разрешит, то я не против.

– Понял, Сергей Львович. Я могу идти?

– Ты не понял, что сейчас вы едете покупать одежду, сопляк? – все же не выдержал и сорвался мужчина. – Ключи тебе для чего дали?

– Я все понял, Сергей Львович. Значит к машине буду привыкать по дороге.

– У тебя полчаса! – хлопнув ладонью по столу, проревел Синицын, сатанея с каждой секундой все больше. – Ира, убери его от греха подальше!

– Хорошо, папочка, – пролепетала девушка, повернувшись к поднимаемому Егору и слова застряли у нее в горле.

Ниделин все так же смотрел сквозь нее, словно она была пустым местом или ее вообще не было в кабинете отца.

8

Кто бы что ни говорил, но с Егора буквально семь потов сошло и не на шутку колошматило всю дорогу. А когда он каким-то чудом умудрился запарковать Кайен на единственный свободный пяточок на подземной парковке с первого раза, гора с плеч рухнула и попросила в ближайшее время воздержаться от таких аттракционов. Одно дело – накатывать круги по чёткому маршруту в городе или лавировать между вешек на площадке в учебной машине с инструктором, который в любой момент подстрахует. И совсем другое – сесть за руль Порше, чтобы пропилить через весь город самому. Тот факт, что права три месяца лежат в кармане, ни разу не означало, что вместе с этими самыми правами автоматом прилипал автомобиль, опыт и стаж. Да и Жигуль в автошколе от пары лишних царапин хуже выглядеть не стал бы – «боевых» отметин на нем и так было предостаточно.

– Егора, ты прямо как Стэтхэм из «Перевозчика», – снова завела свою песню Синица. – Такой же собранный и уверенный за рулём. Давай тебе перчатки как у него купим, а? Они же тебе нужны?

Как выехали, так сразу и началось. Хуже сопровождения не придумаешь, когда в голове все мысли крутятся вокруг порядка цен на запчасти в случае чего. Выбив из пачки сигарету, Егор жадно затянулся и выпустил дым через нозд-

ри, но и это вызвало приступ какого-то щенячьего восторга у Ирки.

– Ой, а как ты это делаешь? А можешь колечком? Ну, Егора, ну покажи!

Щелчком отправив недокуренную сигарету в сторону ближайшей урны, Неделя вылез из машины и пошел к лифтам. Нажал кнопку вызова и следом кнопку блокировки центрального замка на брелоке – Синица все же прискакала на своих шпильках и пристроилась рядом, расписывая все прелести предстоящего шоппинга. И если для Егора это было ни чем иным, как изошрённым наказанием, то для Ирки прям счастье счастьем. Глазки заблестели, а загребущие ручки вцепились в рукав и потащили в сторону бутиков.

– Это, это, это, это, и ещё вон те два метра...

Скрипя зубами Егор перемерял все, что ему притащили в примерочную, потом снова, но уже в другом отделе, и ещё в одном. Лифт, следующий этаж и новые примерочные. Через два часа таких издевательств, правый глаз у Недели начал дёргаться, через три эмаль на зубах практически полностью исчезла в никуда, через четыре Ирка все же решила взять передышку, чтобы с новыми силами броситься на амбразуру последних этажей. Радовало только одно – с каждым новым бутиком количество пакетов становилось все больше, а вещей в примерочную приносили все меньше. Под занавес Синицына почти час придирчиво выбирала кожаные перчатки без пальцев, а Егор без сожаления записал «Перевозчи-

ка» в список своих самых ненавистных фильмов и расчленил Стэтхэма на комплектующие с особым цинизмом.

– Ну вот, теперь можно и домой, – радостно проворковала Ирка, подхватила пакеты, которые физически не смогли поместиться в руках Егора, и быстро полетела к лифтам.

Можно до бесконечности долго смотреть на окна родительской квартиры, но от этого ничего не изменится. Батя у Синицыной жонглировал своими связями похлеще любого вокзального шулера. Оп, ап и вот они ключики от новой квартирки. Лежат себе спокойненько в кармане. Маленькая такая трешечка в новостройке. Всего-то восемьдесят жалких квадратов, и кухня, по размерам превышающая комнату, в которой жил последние годы. Класс же? Мамка о такой квартире и мечтать не мечтала, а тут свалилось счастье на голову. Да так, что не знаешь, как от этого самого счастья не взвыть. Тот же Порш, шмотки эти. Хотел, Егора, пожить на широкую ногу? Живи, наслаждайся. Вот тебе все, что для этого надо. Только в нагрузку получи гирьку на шею. Чтобы не расслаблялся. Ещё батя ему рассказывал, что при Совке так в магазинах делали. Захотел купить себе галстук – не вопрос. Только бонусом возьми гантельки. В смысле, гантельки тебе не нужны? Совсем? Ну тогда и галстук хрен получишь. По отдельности? Нет, гражданин, по отдельности никак.

Сплюнув под ноги, Егор вытащил из кармана связку ключей, сунул обратно и медленно поплелся домой. Сегодня

спать в последний раз на своем диване, а потом «welcome to paradise», как говорится. По полной. В новостройке и лампочки все в подъезде горят, и даже консьерж на входе присутствует. Без консьержа сейчас никуда. Не модно.

– Мам, я дома, – без особого энтузиазма в голосе произнес Неделя.

– И где тебя черти носят, а? Сколько ждать-то тебя можно? Я ему звоню, звоню... Случилось что? Горе ты мое луковое, Егор, ты... – женщина приняхалась, – Ты у меня курить что-ли начал? Паразит! Я тут с ума схожу, в больницы звонить собралась, а он! Вася! Вася иди сюда! Так бы и треснула!

Замахнувшись полотенцем, мама Егора ойкнула и прислонилась к стене.

– Мамуль, – тут же подскочил к ней парень.

– Все хорошо, Егорка. Просто чуточку прихватило. Сейчас отпустит.

Спихнув с тумбочки сумки на пол, Неделя осторожно усадил на нее маму и пулей понесся на кухню. Накапал в стакан валерианки и полетел обратно. Вроде ничего ещё толком и не случилось, а давление у матери уже рвануло вверх. Поднес стакан к ее губам и помотал головой, выскочившему на шум отцу:

– Бать, не надо ничего. Я уже принес.

– Кать, может скорую? – спросил он, опускаясь на корточки рядом с женой.

– Не надо, Вась, – выдохнула она в ответ. Сжала край полотенца и со слезами на глазах произнесла, – Курить начал засранец.

– Засранец, – соглашаясь кивнул мужчина.

– И чего теперь с ним делать?

– Ну-у-у... пороть уже явно поздно. Такую лбину пороть – замахаешься раньше.

– Вась...

– А что Вась? – спросил отец, присаживаясь на тумбочку. – Все, мать, вырос парень. Того и гляди завтра придет и скажет, что домой только в гости приходиться будет.

И Егор поперхнулся. Сам того не зная, отец ткнул пальцем в небо, а попал точнехонько в цель.

– Мам, батя, тут такое дело, – понурился начал Егор. Набрал в грудь побольше воздуха и, шумно выдохнув, закончил, – Короче, мне в универе предложили в команду по лёгкой атлетике идти. А там тренировки каждый день, режим, питание... Ну и вообще строго все... Короче, я тут подумал... и тренер вроде как сказал, что общагу мне уже выбил... Да и не наездишься туда-обратно каждый день... Мам, ты только не волнуйся...

– Ну, о чем и говорил, – тяжело вздохнул отец. Опёрся ладонями на колени и протянул, – Да-а... Вот тебе и пироги с котятами подоспели, – побряхтел и успокаивающе погладил всхлипывающую жену. – Катя, ты давай с этими слезами завязывай.

– Вась...

– А что Вась? Лучше уж бегать будет, чем всякой фигнёй страдать. Да и режим у спортсменов ого-го какой – лишний раз не забалуешь. А там, глядишь, и на область возьмут. А там и до России недалеко. Да, Егорка?

– Ну да, – неуверенно кивнул он в ответ.

– Не «ну да», а да! – рубанул мужчина. – Если есть возможность хоть как-то в люди выбиться, так чего теперь сопли жевать? Или на заводе тоже токарем пахать до пенсии собираешься?

– Бать, ты чего?

– Ничего. Ты это, сын, давай воду мне не баламуть! Раз позвали, значит видят этот... как его... потенциал. Вот! – кивнул и хлопнул сына по плечу. – Давай, Егорка, без этих своих сомнений... Ты там им покажи, что Ниделины не пальцем деланные. Дед у тебя с семью классами в инженеры выбился, батяка тоже не последний человек, хоть и токарь. Теперь твой черед. Принимай, как там у вас говорится, эстафету. А на мать не смотри. Поревет и успокоится. У баб же как? Радость в доме – ревут, горе какое – тоже воют. Вот, – повернулся к жене и потёр ладони, – Мать, ты давай завязывай воду лить. На стол накрывать пойдем.

В эту ночь Егор так и не смог уснуть. Крутился на диване с бока на бок, но сна не было ни в одном глазу. Батя так рьяно ухватился за услышанную ложь, настолько поверил в саму возможность таких предложений, что в какой-то момент

и сам Егор начал в нее верить. Да, будет и областной чемпионат, и на общероссийский поедет. И прогремит фамилия Ниделиных в заголовках газет. Вот только связаны они будут далеко не с достижениями в спорте. Маленькое несоответствие, от которого в груди постоянно свербело. Ещё и Половинка не спала – зелёный кружочек рядом с аватаркой горел постоянно. Ткнув пальцем в переписку с Аськой, Егор медленно листал сообщения в обратном порядке, улыбался, перечитывая редкие перепалки из-за пустяков, и долго собирался что-нибудь написать, но в голову ничего не приходило кроме банального: «Не спишь?» Ясен пень не спит. Если только это не Яська свои кошачьи дела по ночам решает. Картинка, молотящего лапой по экрану телефона кошачка, возникла перед глазами в таких мельчайших деталях, что Неделя не удержался и отправил сообщение: «Яська, верни телефон на место!» В ответ прилетел смайлик, а следом коротенькое: «Мяу!» Настроение тут же поползло вверх. А когда от Аськи пришла фотография кошачьей лапы с оттопыренной пальцем подушечкой, Егор, давясь от смеха, записал и отправил голосовое сообщение: «Яська, передай своей хозяйке, что у тебя только что стало на одну жизнь меньше!» Аська тут же стала строчить что-то в ответ, но потом, видимо передумав, решила просто позвонить. Хрюкая в трубку, она прошептала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.